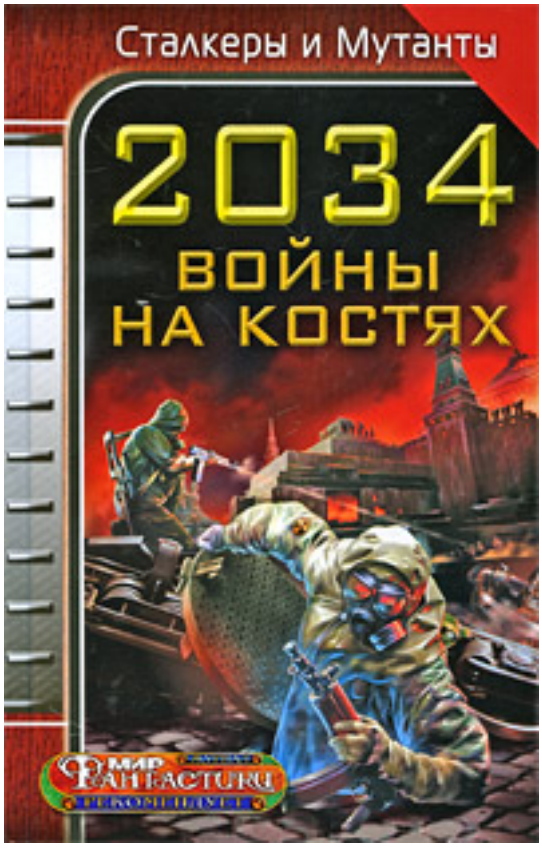
Сталкеры и Мутанты
2034
ВОЙНЫ
НА КОСТЯХ
МИР ФАНТАСТИКИ

Дмитрий Градинар
Сергей Владимирович Чекмаев
Павел Герасимов
Иван Наумов
Александр Сальников
Лора Андронова
Майкл Гелприн
Александр Геннадьевич Бачило
Юрий Николаевич Бурносов
Яна Дубинянская
Татьяна Томах

2034. Войны на костях (сборник)

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=271802
2034. Война на костях: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-36722-1

Аннотация

2034 год. После ядерной войны и череды глобальных катастроф вся Земля превратилась в радиоактивную Зону, а человеческая цивилизация лежит в руинах. В пламени мирового пожара выжил один из тысячи – отчаявшиеся, изувеченные лучевой болезнью и калечащими мутациями, вымирающие от голода и холода, последние люди влачат жалкое существование на развалинах и пепелищах.

Однако трагедия ничему не научила неразумное человеческое племя: первое, что сделали выжившие, едва стих грохот Армагеддона, – вновь взялись за оружие, пусть не такое мощное, как раньше, но не менее смертоносное. Малые, скоротечные, но по-прежнему беспощадные войны идут за последние плодородные клочки земли, за безопасную пищу, за чистую воду. А иногда – просто от безысходности, от осознания того, что завтра не наступит никогда…

Содержание

Александр Бачило 4
Конец ознакомительного фрагмента. 40

2034. Война на костях (сборник)

Александр Бачило
Помочь можно живым
Повесть

Ночью со стены снова заметили темную тушу свирепня. Выйдя из леса, зверь неторопливо затрусил прямо к воротам – наверное, понял, что здесь самое слабое место и ему будет не так уж трудно добраться до лакомой начинки за стеной. Впрочем, свирепень не торопился. Попробовав ворота клыком, он недовольно заворчал и принялся разгребать передними лапами снег.

Сторожа, притаившись наверху, со страхом глядели на быстро углубляющуюся яму под воротами.

– Никак до земли дошел! – пискнул Мозгляк.

– Тише! – зашипел на него Дед. – Чего верещишь?

– Так подроет же! – Мозгляк отодвинулся от края стены и втянул голову в плечи.

– Очень даже просто, – сказал Шибень, снимая рукавицу и вдевая ладонь в ременную петлю на рукояти палицы. Не для драки, конечно, какая уж тут драка. Просто с дубиной в руке он чувствовал себя немного уверенней.

– Не вздумайте копья кидать, – предупредил Дед.

Но и без него все знали, что копьем свирепня не возьмешь, только беду себе накличешь. По городу до сих пор ходила история про Псана-добытчика и его сыновей. Те повстречали свирепня как-то раз весной на охоте, когда еще никто не знал, что это за зверь, и Псан кинул в него копье. Они стояли на самой вершине Оплавленного Пальца и считали себя в полной безопасности. Свирепень ушел, не обратив на них особого внимания, но той же ночью все четверо захворали одной болезнью: кожа на руках и на лицах у них потрескалась и стала сползать рваными лоскутами, глаза перестали видеть, и тяжкая рвота выжимала желудки. На рассвете первым из четверых умер Псан, а до вечера нового дня не дожил никто.

– Гляди, гляди, чего-то он нашел! – зашептал Дед, указывая на свирепня.

Шибень и Мозгляк высунули головы из-за зубьев стены и увидели, как зверь, кряхтя от натуги, выворачивает из земли не то бревно, не то какой-то длинный брусок. Вытащив его на снег, свирепень долго отдувался. На выдохе его пыхтенье переходило в рык.

– Болванка-то свинцовая, не иначе, – сказал Шибень.

И действительно, в лунном свете на поверхности бруска металлическим блеском отливали следы, оставленные клыками свирепня.

Отдышавшись, зверь снова ухватил зубами болванку и, поминутно проваливаясь сквозь крепкий наст, потащил ее к лесу.

Таких брусков немало можно было накопать в округе: остались от недостроенных убежищ, брошенных бункеров и просто в погребах и подвалах живших здесь когда-то, говорят, еще до войны, людей. Тогда все старались натащить домой побольше свинца. Наверное, думали, что это их спасет…

Бруски пригодились много лет спустя, когда в домах остались одни истлевшие скелеты, а люди, впервые осмелившиеся выглянуть из убежища, стали рыть Город, чтобы жить в нем хотя бы летом. В то время как раз начались набеги зверей из леса, и бруски стали собирать и использовать для строительства стены. Их укладывали в фундамент и просто в кладку – куда придется. Наверное, зарыли и под воротами, чтобы не вышло как-нибудь подкопа…

Сторожа глядели вслед свирепню, пока его черная туша не слилась с темной полосой леса.

– И зачем ему эта болванка? – спросил Мозгляк.

– Известно, зачем, – ответил Дед, – грызть будет. Видал, как на Большой Яме колпак изгрызли? Теперь весь зверь такой пошел: свинец грызут, некоторые светиться могут. И болезни от них.

– Что же это теперь будет? – Мозгляк сел на дощатый настил и, кутаясь в шкуру, все качал головой. – Скоро совсем за ворота носа не высунешь. Как жить-то дальше? Околеем мы тут, за стеной…

– Околеем, – задумчиво произнес Дед, – за стеной непременно околеем. Но я вот все думаю: откуда в наших краях свирепень? Ведь год еще назад и следу не было, никто и не слыхал про такого. Откуда же он взялся? Не из-под земли же вылез эдакий зверюга! Опять же, возьмем быкарей. Эти, наоборот, пропали. А какое стадо было! Спрашивается: куда оно делось?

– Померзло, – сказал Шибень, натягивая рукавицы. Палица лежала у его ног.

– Как же тебе, померзло! – затряс бородой Дед. – Раньше морозы-то посильней были, это уж последние лет тридцать потеплело, а то всю зиму в подземелье сидели, одними старыми припасами перебивались. А быкарь и тогда был, ходы под снегом делал, кору глодал, но пасся – переживал зиму. Голов в тысячу стадо было, не меньше…

– Да разве же непонятно, – заныл Мозгляк, – свирепень их пожрал всех до одного! И до нас доберется!

– Так-таки все стадо и пожрал? – усмехнулся Дед. – Ну, это ты, парень, загнул! Нет, брат, тут дело иное. Ушел быкарь из наших краев, вот как я понимаю.

– Ну и что? – спросил Шибень.

– А то, что, значит, проход есть через Мертвые Поля, – сказал Дед, – иначе, куда ж ему идти? С самой войны не было прохода, а теперь, стало быть, есть…

Улисс стоял, зажав дубину под мышкой, у края борозды, проделанной в снегу свирепнем, и внимательно разглядывал следы. С восьми лет он ходил с охотниками по всему краю, видел и океан, и брошенный город, и Предельные Горы, из-за которых и день и ночь поднималось изумрудное свечение Мертвых Полей. Но ни разу до нынешнего лета не встречались ему следы свирепня. Откуда же он взялся, этот невиданный хищник, погубивший за полгода семерых лучших охотников Города? Не из океана же, в самом деле, вылез. Зверь, по всему видно, сухопутный, лесной, да и свинец грызет… Нет, как ни прикидывай, а прав Дед – есть где-то проход через Мертвые Поля.

– Так и я говорю – есть! – сейчас же отозвался Дед, топтавшийся неподалеку. – Вот кабы его разведать… Может, там земли здоровые, богатые, а может, и люди, а?

– Далеко это, – сказал Улисс. – Не дойти.

– Вот и я говорю – далеко, – закивал Дед, – кто же пойдет? Шансов нет… Да и охотники уже не те. Виданное ли дело, через Мертвые Поля идти? Вот если бы Псан был жив…

– Что тебе Псан, – сказал Улисс. – проход-то один, а Предельные Горы на сколько тянутся? Никто ведь не мерил… Вдоль них идти, может, месяц надо, да и неизвестно, в какую сторону. А там на второй день уже кожа чешется, на третий – во рту солоно, а на четвертый – кто не ушел, тот уж насовсем остался…

– Лесом, лесом надо идти, – сказал Дед, – быкарь лесом ушел. И свирепень, опять же, из леса появился…

– Свирепень, – повторил Улисс угрюмо, – он только того и ждет, чтобы кто-нибудь в лес забрел.

– Это да, – согласился Дед, – я же и говорю – шансов нет.

Улисс повернулся и пошел назад к воротам. Дед семенил за ним.

– Вот если вдесятером пойти, – говорил он, – или хотя бы впятером. Пятерых-то небось свирепень разом не заглотит…

Город понемногу просыпался. Из маленьких черных отверстий в снегу поднимались сизые дымы. Из отверстий побольше выползали люди. Одни, с мешками для дров за спиной, брели к воротам, другие аккуратно срезали лопатами тонкий верхний слой снега и сыпали его в ведра. Последний снегопад был хороший, снег выпал чистый – растапливай да пей, а то до этого всю неделю сыпала какая-то ледяная крупа, серая, вонючая и вредная. Снегом запасались впрок, надолго, подземные воды для питья не годились…

Навстречу Улиссу, пыхтя, проковылял мальчишка с санками. Других детей не было видно. Их вообще стало меньше в последние годы, словно старая болезнь, передававшаяся во многих семьях от родителей к детям, накопила достаточно сил и решила наконец покончить с Городом. Большинство детей рождались либо совсем немощными, либо… Улисс невольно поежился. Либо такими, как Увалень, теткин сын…

Старики говорят, что дело можно было бы поправить, если бы в Город пришли люди со стороны. Да уж больно далеко они, те люди, а может, их и нет совсем.

Улисс нырнул в узкий лаз, на коленях протиснулся через дверь, в небольшом тамбурке снял верхнюю куртку и наконец вошел в дом. Здесь было тепло и душно.

Ржавые кирпичные стены, прикрытые кое-где шкурами, поблескивали от сочившейся из почвы влаги. Тетка, ворча, возилась у печки, в дощатом загоне храпел Увалень, а у стены на низком топчане, укрытая шкурами, лежала Ксана – сестра Улисса.

– Дров-то принес, нет? – рявкнула тетка, оборачиваясь. В руке у нее была деревянная ложка с дымящимся варевом, и Улисс сразу вспомнил, что вчера ему так и не удалось ни разу толком поесть.

– Днем схожу, – ответил он и зачерпнул из ведра полковша талой воды. Вода была совершенно безвкусная, а значит – хорошая.

– Где ж ты шатался все утро, что и дров ни хворостинки не мог прихватить?

– Сторожа позвали, – сказал Улисс, – свирепень ночью приходил, под воротами рыл…

– Ох! – Тетка уронила ложку в горшок с варевом. – Да что же это! Страх-то какой! Разве мало на нас всякой погибели? Уж и так заживо гнием, ни еды ни питья не видим. – Она выловила ложку и стала снова мешать в горшке, причитая: – Ой, как пойдет он дома рыть да людей таскать! Ой, смерть наша!

– Не пойдет, – сказал Улисс, вылив недопитую воду обратно в ведро. – Теперь ворота на ночь будем свинцовыми чушками закладывать. Свирепень их больше мяса любит…

Он подошел к топчану и сел на край. Ксана не спала. Ее большие глаза пристально смотрели на него из глубины зловещих черных кругов. Улисс вспомнил, какая она была красивая и здоровая, и ему снова стало невыносимо тоскливо.

Когда-то весь Город завидовал их матери, считая, что двое нормальных детей в семье – это чудо. Редко кому выпадает такое везение, почти каждого проклятая судьба наделила каким-нибудь уродством или врожденной болезнью, но дети продолжали рождаться – природа оказалась сильнее человеческого страха.

За свою жизнь Улисс не раз видел, как умирают знакомые и близкие люди смертью стремительной и необъяснимой или медленной и мучительной, но никогда еще он не чувствовал так остро, что теряет часть самого себя. Почти каждую ночь Ксана снилась ему висящей над пропастью, и не было сил удержать ее и спасти.

Они всегда были вместе: Улисс и она, веселые, сильные, неустрашимые…

Беда случилась прошлым летом – во время охоты.

Ксана упала в реку. Чудом ей удалось выбраться на берег и отползти подальше от воды, но подняться она уже не смогла. Никогда.

Улисс сидел, уставившись бессмысленным взглядом на потрескивающий фитилек светильника, и вроде бы ни о чем не думал, но сестра, с трудом разомкнув помертвевшие губы, вдруг тихо спросила:

– Уходишь?

Улисс опустил голову:

– Ухожу.

Снова шевельнулись губы Ксаны, словно хотели шепнуть: «А как же я?» – но ни звука не вылетело из них, и Улисс ничего не услышал.

– То есть как это – «ухожу»? – оторвалась от плиты тетка. – С ума сошел? Тут за ворота не выйдешь, страх такой, а он – «ухожу»! Жить надоело? Да и куда идти? Зачем?

– Где-то есть в Мертвых Полях проход в другие земли…

– Да что тебе те земли? Чем они лучше наших? Везде одно и то же – зараза и гибель. Да и не дойти до них через Мертвые Поля, это ж мальчишке ясно, лучше уж сразу в реку кинуться.

– Быкари ушли, – сказал Улисс, – значит, есть хороший проход. Уж они-то к Мертвым Полям никогда и близко не подходили.

– Как же ты пойдешь один? А свирепень?

– Ну, почему один? – Улисс пожал плечами. – Найдутся люди.

– Да кто ж с тобой пойдет-то?! Мимо свирепня да в Мертвые Поля!

– Ну, Дед пойдет, – неуверенно сказал Улисс.

– Тьфу ты, в самом деле, – разозлилась тетка. – Дед! Нашел компанию! Да я бы этого звонаря старого за грибами не взяла! Шерсторог ощипанный! И не пойдет он, не рассказывай ты мне. Что я Деда не знаю, что ли? Подзуживает только вас, дураков молодых. Ты лучше затею эту из головы выброс, успеешь еще шею свернуть. О нас вот с ней, о родных лучше подумай, а то на уме дурь одна…

Улисс не спорил. Да и о чем спорить? Верно тетка говорит – все это одна дурь. Сам ведь только что Деду доказывал, что дурь. Плюнь, забудь и живи, как жил. Да в том-то и дело, что жить, как жил, больше невозможно. Сил нет. Разве можно жить, глядя на вымирающий Город? Легче уж пробираться Мертвыми Полями. Разве можно жить, прикидывая, сколько дней осталось до смерти Ксаны? Лучше уж с копьем на свирепня…

– Жениться тебе надо, – тихо произнесла Ксана.

– На ком? – равнодушно спросил Улисс. Он вдруг подумал: как, наверное, хорошо было раньше, лет пятьдесят назад, когда всем казалось, что жизнь понемногу налаживается, что Город – это надежно и надолго.

Люди охотились, чтобы иметь припасы на будущее, женились для создания семей, рожали детей для продолжения рода, строили стену ради жизни Города…

Теперь все то же самое делается с единственной целью – отодвинуть немного неизбежный конец, который все равно скоро наступит. Будущего теперь нет. Его, конечно, не было и пятьдесят лет назад, но тогда об этом никто не знал. Было ли оно вообще когда-нибудь у людей, это будущее? Наверное, было, только очень давно, когда от них еще что-то зависело. От тех, что остались после войны, не зависит уже ничего.

Война не уничтожила сразу всех, как это, вероятно, намечалось по плану, но люди все-таки добились своего – послевоенное столетие будет последним для человека. Или, по крайней мере, для Города. Возможно, население каких-нибудь других, далеких земель протянет дольше, но какое это имеет значение для Города, отрезанного от них Мертвыми Полями и таким же мертвым океаном?

– Да что же, на ком? – заговорила тетка. – Хроманя вон подрастает. Девка работящая, и ты бы, глядишь, остепенился…

– Так она и без меня работящая, – пожал плечами Улисс, – я-то здесь при чем?

– Ну, как это – при чем? – сказала тетка. – Может быть, дети у вас будут…

Тяжелый удар вдруг потряс дощатую перегородку в углу, послышалось громкое сопение, звякнула цепь, и над перегородкой показалась голая безглазая голова Увальня. Он потянул воздух ноздрей, широко разинул рот и, роняя слюну, издал пронзительный вопль.

– Сейчас, сейчас! – тетка кинулась к плите.

Улисс налил в плошку воды и, сунув ее в трехпалые лапы Увальня, вышел за дверь…

Солнце ярко светило сквозь голые ветви деревьев, было морозно и тихо, только вдалеке посвистывала какая-то птица. Снег в лесу свежий, рыхлый, не то что плотный наст в полях вокруг Города, и если бы не Дедовы лыжи, Улиссу пришлось бы барахтаться в нем по пояс.

Он уже немало прошел с тех пор, как рано утром, простившись у ворот с Дедом, отправился в путь.

– Может, еще с мужиками потолкуем? – говорил Дед, помогая ему укрепить на спине мешок. – Собрать хоть человек пять, ну хоть троих – путь-то неблизкий… А?

Улисс промолчал. За последние десять дней он переговорил чуть ли не со всем Городом, убеждал, объяснял, соблазнял, ругался, просил, но только окончательно убедился – с ним никто не пойдет. Одни откровенно сознавались, что боятся свирепня и Мертвых Полей, другие просто не верили в новые земли. Были и такие, которых затея Улисса встревожила, они назвали ее вредной дурью и пригрозили принять меры, если он не выкинет этот бред из головы.

– Эх, я бы сам пошел! – в отчаянии махнул рукой Дед. – Но куда! Под ногами только путаться. Не гожусь уж ни на что, свирепню разве на корм? Тьфу, не будь перед дорогой помянут!

– Пора, – сказал Улисс, подавая ему руку, – ты к моим заходи, не бросай их.

– Не беспокойся, – закивал Дед, – без дров, без мяса не оставим. Сам только возвращайся.

– Ладно, пошел я. – Улисс взял копье, оттолкнулся им, как шестом, и выехал за ворота.

– Ты, это!.. – крикнул ему вслед Дед.

– Ну?

– Если людей встретишь, ты скажи им!

– Что сказать?

– Ну… Скажи им, что мы… Тут. Понял?

– Понял, скажу! – крикнул Улисс и побежал, скользя лыжами по сверкающему снегу…

Места, по которым он теперь проходил, были ему хорошо знакомы. Улиссу приходилось бывать здесь и во время охоты на быкарей, и в те редкие летние дни, когда снег на лесных прогалинах почти совсем исчезал и из земли, распространяя вокруг себя вкусный аромат, появлялись и на глазах росли пузатые синие грибы.

Стаи клыканов, истребляемые охотниками ради шкур, становились все малочисленнее и были уже почти неопасны. Пожалуй, эти места еще год назад можно было назвать обжитыми – повсюду здесь попадались охотничьи кочевья, а в Большой Яме – глубоком многоэтажном подвале, накрытом свинцовым колпаком, – поселилась даже целая семья из пяти человек.

У них было общее прозвище – Канители, неизвестно за что данное, как и многие другие прозвища в Городе. Яму они обживали быстро и с умом, нашли трубу, проходящую через все этажи, чуть не в каждой комнате сложили из кирпича добрую печь, и за одно прошлое лето битком набили папоротником, грибами и дичью огромный ледник. Зиму пережили так, будто нет наверху трескучих морозов и страшных зимних ураганов, а весной вдруг одна за другой стали обрушиваться на Канителей беды. Неведомый зверь появился возле Ямы, когда отец и мать были на охоте. Три дня грыз он свинцовый колпак и рыл землю у входа в

Яму. Старуха Канитель с двумя внучками отсиживались в глубине подземелья, не надеясь на прочность двери. На четвертый день вернулись добытчики и попали прямо в лапы зверю. С тех пор и появилось у него имя – свирепень.

Лес вокруг Ямы скоро совсем обезлюдел, но старуха не хотела перебираться в Город – припасов у нее было еще навалом.

Этой же весной старшая дочь Канителей, Осока, полезла зачем-то в самые нижние, не расчищенные еще этажи подвала и не то заблудилась, не то провалилась в какую-то шахту, в общем, больше ее не видели. Младшая же умерла от какой-то болезни совсем недавно, но в Городе об этом ничего точно не знали, ходили какие-то слухи, неизвестно кем и как доставленные. Однако старуха Канитель по-прежнему жила в Яме – это Улисс знал точно и именно к ней-то он и хотел добраться до наступления темноты.

Соваться без оглядки в те места, где чаще всего видели свирепня, было бы неосторожно, поэтому Улисс решил остановиться у Оплавленного Пальца, передохнуть, закусить и осмотреться с его вершины.

Солнце уже начало спускаться к закату, когда за деревьями показались наконец узкая прямая скала с округлой, как у гриба, шляпкой и горбатая спина каменной россыпи у ее подножия. Улисс поднялся на белесый холм и, отыскав среди огромных валунов удобное, укрытое от ветра местечко, освободился наконец от мешка и лыж. Он развязал мешок, вынул из него кусок сушеного мяса и теткину лепешку – еще теплую, потому что хорошо была укутана, смахнул снег с подходящего камня и, удобно на нем устроившись, неторопливо принялся за еду. Палец поднимался над ним черной и гладкой, без трещин, колонной с редкими каменными наплывами, тропа, ведущая к вершине, была пробита с противоположной, более пологой стороны.

Запив мясо и лепешку очищенной водой из фляжки, Улисс прихватил на всякий случай копье и двинулся в обход скалы. Лыжи и мешок он оставил под валуном, тащить их с собой на вершину было неудобно, да и ни к чему.

Подъем занял немного времени – Палец был невысок сам по себе, но стоял на холме, и от этого вершина его поднималась выше самых высоких деревьев. Голый лес открывался отсюда как на ладони, чуть не весь.

Где-то на западе, у кромки леса, остался Город. Если бы дома строились теперь такие же высоченные, как когда-то, он был бы, наверное, виден отсюда. На север, казалось, до самого океана, тянулись все те же заросшие деревьями холмы, а на юге и востоке, за невидимыми еще, укрытыми белесой мглой Предельными Горами раскинулись безбрежные Мертвые Поля.

Улиссу не удалось отыскать среди деревьев колпак Большой Ямы, она была еще далеко и наверняка засыпана снегом, да ему и не было в ней особой нужды, дорогу он знал хорошо, и сейчас его больше интересовало то, что происходит в лесу. Медленно переводя взгляд с холма на холм, от болотца к болотцу, от прогалины к прогалине, он внимательно рассматривал каждое пятнышко, каждую крапинку на снегу, старался не пропустить ни одной мелочи, ведь эта мелочь могла оказаться свирепнем. В лесу, однако, было спокойно и пусто. Там вообще не ощущалось никакого движения, только ветер разгуливал по верхушкам деревьев.

А ведь раньше было не так, подумал Улисс. Он вспомнил стада быкарей, бродивших здесь год назад, выводки клыканов, спешившие присоединиться к стае, мелкую, скрытую лесную возню, которая все же была заметна опытному глазу охотника.

Окинув еще раз взглядом бесконечную даль, которую ему предстояло преодолеть, Улисс стал спускаться вниз. Надо было торопиться – солнце все ниже клонилось к западу, в сторону оставшегося позади Города.

Пробираясь среди камней к своему валуну, Улисс решил, что теперь самое главное – побыстрей выйти на дорогу к Большой Яме и по возможности нигде не останавливаться,

пока свирепень спит в какой-нибудь своей берлоге или бродит где-то далеко от этих мест. Старуха Канитель не раз угощала их с Ксаной папоротниковым супом в жаркой кухне Ямы, наверное, она будет рада Улиссу или хотя бы вспомнит его и пустит переночевать, а уж завтра он встанет пораньше и за день постарается уйти подальше отсюда.

Улисс обогнул валун и вдруг остановился как вкопанный. Снег на том месте, где он отдыхал, был весь перерыт, там и сям из него торчали мелкие щепы, бывшие когда-то дедовыми лыжами. Вокруг валялись клочья мешка. Все припасы и фляжка с водой исчезли.

Улисс испуганно огляделся, боясь увидеть притаившегося среди камней свирепня или какого-нибудь другого зверя, поджидающего добычу, но никого не увидел. Осторожно повернув назад, он сделал широкий полукруг и вышел к валуну с другой стороны, но убедился лишь в том, что поблизости никого нет. Мало того, он обнаружил вдруг, что ни один след, кроме его собственной лыжни, не ведет от леса к подножию Оплавленного Пальца, и это было уж и вовсе необъяснимо. В снежном месиве никак нельзя было понять, что за зверь учинил здесь разгром, был он один или целой стаей, откуда они взялись и куда подевались. И никаких следов! Улисс с отчаянием смотрел на одинокую лыжню, тянувшуюся от леса.

Лыжня! Как легко и быстро можно было бы по ней бежать! Как весело и ловко извивается она среди деревьев в лесу, как ровно ложится на поле! Эх! Улисс только теперь осознал, чего он лишился. Идти без лыж – значит барахтаться в глубоком снегу, выбиваясь из сил и едва продвигаясь вперед, значит ночевать в лесу под носом у свирепня и дрожать всю ночь от холода, не имея ни крошки еды для восстановления сил. Хорошо хоть осталось копье! Улисс замахнулся им на невидимое чудовище. Ну, попадись мне только эта скотина!

В камнях гулял ветер, сдувая с них мелкую снежную пыль. Оставалось одно – как можно скорее пуститься в путь и идти в сторону Большой Ямы пока хватит сил. Может, и повезет, здесь ведь не так уж далеко.

С копьем на плече он двинулся вперед, инстинктивно стараясь держаться лыжни. Гладкая и прямая, как стрела, она уходила к лесу, глубоко врезаясь в мягкий снег.

Улисс вдруг остановился. В самом деле, почему она такая гладкая? Такой не может быть лыжня, проложенная одним человеком по свежему снегу! Она же так накатана, будто по ней ездили туда-сюда несколько раз!

А это значит… Улисс в растерянности опустился на снег. Это значит, что здесь были люди! Люди обокрали его! Они пришли сюда вслед за ним, сломали лыжи, забрали продукты и, тщательно уничтожив следы, укатили обратно в лес. Но кто? Кто мог это сделать?

И зачем? За что? Никогда ни у кого в Городе не возникало между собой такой вражды. Даже из-за женщин. Неужели это чужие? Но что им было нужно от него? Если они видели в нем врага, почему просто не подстерегли и не убили? Значит, им нужно было только лишить его возможности идти дальше? Почему?

Улисс не находил ответа ни на один из этих вопросов.

И самое главное, он не знал, что теперь делать. Прятаться от врагов? Или искать их и драться? Или попробовать объясниться? Но на все это нужны силы, нужна способность быстро передвигаться, а какое может быть движение по шею в снегу?

И все же нужно идти к Яме, решил Улисс, другого выхода нет. Высоко поднимая ноги, он двинулся наискосок по склону холма, постепенно удаляясь от таящей теперь опасность, ведущей к врагам лыжни…

Улисс сидел, прижавшись спиной к дереву и тяжело дыша. Было уже совсем темно, ветер утих, и в лесу стояла мертвая тишина, по крайней мере Улисс ничего не слышал, кроме лихорадочного стука собственного сердца. Он миновал уже первые развалины – остатки построек в окрестностях Большой Ямы, но до нее самой все еще оставалось отчаянно далеко.

Когда-то здесь тоже был город, думал Улисс. Жители строили странные большие дома со стеклянными окнами и двери делали во весь рост, а то и больше, словно не боялись ни вредных дождей, ни ураганов, ни холодов. Правда, говорят, тогда было теплее, солнце чаще появлялось на небе, и совсем не было пыльных бурь. Кто знает? Может, и не было. Теперь разного наговорят, только слушай, да не верится что-то во все эти россказни. Ведь это когда было? До войны? А те, кто войну пережил, умерли почти все еще в Убежище, наружу и носа не показывали. Это уж потом дети да внуки их насочиняли, как до войны было хорошо, да тепло, да какая чистая вода. Да если бы уж так им было хорошо, разве взорвали бы они все это собственными руками?

Со стороны громоздящихся невдалеке развалин вдруг послышался шум, будто со стены посыпались мелкие камешки. Улисс насторожился, вглядываясь в темноту. Иззубренные обломки здания черной массой проступали на фоне чуть более светлого неба и мерцающего под ним снега. Шум повторился. Снег заскрипел под чьими-то грузными шагами, и от развалин отделился темный громоздкий силуэт.

Свирепень, отрешенно подумал Улисс. Ну вот и все.

Зверь приближался, двигаясь не прямо к нему, а немного в сторону, видимо, он еще не заметил Улисса. Но у свирепня отличный нюх – Старый Дым, за которым зверь шел три дня и три ночи, мог бы подтвердить это, если б на четвертый день, у самой стены Города свирепень его не догнал.

Вот сейчас он учует поблизости человека, остановится, принюхается и резко повернет сюда. Улисс замер, изо всех сил прижавшись спиной к дереву, словно пытаясь врасти в него, и, скосив глаза – страшно было даже подумать о том, чтобы повернуть голову, – не отрываясь следил за темной тушей, приближавшейся большими прыжками. Уже совсем близко это огромное черное пятно, и слышен его храп, и кажется, что земля и дерево за спиной сотрясаются от его прыжков, и хочется вскочить и с криком броситься ему навстречу и бить, бить, бить копьем в его тупую, равнодушную морду и в ненасытную пасть!

Но Улисс не вскочил и не закричал. Впившись ногтями в шершавую кору дерева, он продолжал неподвижно сидеть, лишь беззвучно шевеля губами…

И свирепень прошел мимо. Уже стих вдалеке его храп и неслышно было шума прыжков, а Улисс все не мог оторваться от дерева, он забыл, куда и зачем шел, и чувствовал лишь, как ползет по шее холодная капля пота. Прошло немало времени, прежде чем он снова стал нормально соображать. Осторожно поднявшись, Улисс огляделся по сторонам. Ни малейшего движения не было заметно вокруг, мертвая тишина снова установилась в лесу. Свирепень ушел. В том, что это был он, Улисс не сомневался, ему уже приходилось видеть со стены Города тяжелые прыжки зверя и слышать его храп, эхом разносящийся над снежным полем. Как мог он не учуять человека, пробежав мимо него в каких-нибудь десяти шагах? В это трудно было поверить.

Впрочем, опасность еще не миновала, зверь оставался где-то поблизости. Тревога снова охватила Улисса, ведь свирепень ушел в сторону Большой Ямы, как раз туда, куда и ему нужно было идти. Ходить по пятам за свирепнем – не самое приятное занятие, но – Улисс уже не в первый раз убедился в этом сегодня – другого выхода у него нет.

Не спеша, словно бы нехотя, он снова зашагал, или, вернее, пополз по снегу, и скоро приблизился к пропаханной зверем борозде. Идти здесь было немного легче, и Улисс двинулся вперед быстрее, но все еще неуверенно. Не стоит торопиться, думал он, когда идешь вслед за свирепнем.

Но что это? Совсем рядом со следом Улисс заметил вдруг ровную прямую полосу, убегающую в ту же сторону, куда шел свирепень. Лыжня! Опять лыжня! И ведет, конечно, прямо в Большую Яму. Так вот почему зверь не заметил его. Он бежал по свежему следу человека! Но кто был этот человек? Не тот ли, что ограбил Улисса днем? Уж не поселились

ли в Яме какие-нибудь новые жильцы? Что ж, похоже на то. Может быть, они даже не из Города. Может быть, они оттуда, из-за Мертвых Полей.

Улисс прибавил ходу. Нужно с ними встретиться. Кто бы они ни были – ему нужно с ними поговорить…

След привел Улисса прямо ко входу в Яму, однако лыжня исчезла раньше – свирепень затоптал ее. Самого его тоже не было, судя по следам, он покрутился перед входом, погрыз колпак и ни с чем убрался в лес.

Маленькая круглая дверца оказалась не заперта, и Улисс протиснулся в тесный тамбур. Дошел, подумал он. Все-таки дошел. Что бы тут ни творилось, свирепень остался снаружи.

Он на ощупь отыскал вторую дверцу, ведущую из этого тамбура в другой, побольше, с тускло догорающей лучиной под потолком – видимо, кто-то здесь был только что. На крюках висело несколько старых, облезлых шкур. Улисс стянул свою куртку, хорошенько вытряхнул ее и тоже пристроил на крюк. Пришлось оставить и копье, бродить с ним по тесным, извилистым коридорам Ямы неудобно, и пользы-то от него мало, да и непривычно как-то входить в дом с оружием, охотиться пришел, что ли?

Улисс пристроил копье в углу и, отвалив тяжелую металлическую дверь, выбрался в коридор, кольцом охватывающий помещения верхнего этажа.

В коридоре было пусто, но со старухиной кухни (Улисс хорошо знал, где она находится) доносилось позвякивание посуды и тихий стук ножа по доске, Улисс направился туда. Дверь в кухню была приоткрыта, и он увидел саму старуху Канитель, спокойно нарезающую бледно-желтую траву для супа. На плите перед ней стоял большой ворчащий горшок, накрытый крышкой. Из-под крышки вырывался белый пар, чудный мясной запах наполнял всю кухню. Улисс сглотнул слюну. Он открыл скрипучую дверь, вошел и остановился у порога. Старуха искоса взглянула на него, но продолжала работать ножом.

– Ну, чего пришел? – проворчала она. – Вниз иди, нечего тебе тут делать!

– Бабушка Канитель, ты меня не узнаешь? – спросил Улисс.

Старуха вдруг замерла, выронила нож и медленно повернула к нему голову.

– Улисс, сынок! – ахнула она, всплеснув руками. – Да это никак ты!

– Я, бабушка, – облегченно рассмеялся Улисс. Увидев, как обрадовалась старая Канитель, он почти забыл все свои тревоги. – Конечно, я! А ты думала кто?

– Да как же ты выбрался ко мне? Вот радость-то! – продолжала старуха, пропустив его вопрос мимо ушей. – А Ксаночка-то где же? – Она вдруг осеклась… – Ах, да…

Улисс промолчал.

Канитель пригорюнилась, словно что-то вспомнила.

Выцветшие ее глаза смотрели куда-то вдаль.

– У тебя кто-нибудь живет? – спросил Улисс.

Старуха покачала головой:

– Нет. Кому тут жить? Одна я теперь осталась. И пора бы помирать, да все смерть не берет. Молодых вон берет, а меня – нет…

– Странно. А я видел, лыжня к двери подходит…

– А, это! – Старуха махнула рукой и отвернулась.

– Навещает кто-нибудь? – спросил Улисс, глядя, как Канитель бесцельно перекладывает с места на место кучку сушеных грибов.

– Нет, – снова ответила она, – никого тут нет.

– А как же лыжня?

Старуха пожала плечами.

– Ну, как… Сама это я… За дровами ходила. Печку-то надо топить, нет? Ты лучше скажи, – она внимательно посмотрела на Улисса, – сам-то просто так пришел, проведать? Или по делу?

– По какому делу? – не понял Улисс.

– Ну откуда ж мне знать, какие у вас, у молодых, дела? Тебе небось видней.

– Да я и по делу тоже, – сказал Улисс, – тут вот какая история, бабушка…

И он принялся рассказывать ей о том, куда идет и что случилось с ним сегодня. Старуха только качала головой, слушая его. Затем, ни слова не говоря, подошла к плите, налила большую миску супа с мясом, поставила ее на стол и вручила Улиссу деревянную ложку.

Жадно прихлебывая и обжигаясь вкусным горячим варевом, он продолжал рассказывать.

Проход через Мертвые Поля не произвел на Канитель особого впечатления. Гораздо больше заинтересовал ее тот факт, что Улисс собирается завтра утром покинуть Яму и идти дальше.

– Ну, правильно, – сказала она, как показалось Улиссу, обрадованно, – раз уж пошел, чего здесь сидеть? С утра-то, за день целый, можно далеко-о уйти! А лыжи я тебе найду, не беспокойся. У меня хорошие есть, от сына еще остались…

На ночлег Канитель устроила Улисса в одной из комнат второго подземного этажа.

– Ну вот, – говорила она, растапливая маленькую железную печку, – тут тебе и лежанка, и одежда кой-какая, холодно будет – подкинь полешко-другое, а я пока соберу в дорогу что-нибудь поесть…

Она направилась шаркающей походкой к двери, но, выходя, обернулась, словно хотела и не решалась что-то сказать.

– Утром я тебя разбужу, – заговорила наконец старуха, – а ты вот что… Тут на двери защелочка есть, так ты ее накинь… Я когда приду, постучусь вот так – ты и откроешь…

– Да зачем все это? – удивился Улисс.

– Ну, как зачем? – пожала она плечами. – От сквозняка, понятное дело. Тут иной раз, бывает, так дунет, что еле на ногах устоишь.

Улисс что-то не помнил таких случаев из своих прошлых посещений Большой Ямы, но спорить не стал. Теперь, после сытной еды, ему больше всего на свете хотелось спать. Поэтому, закрыв дверь за старухой, он повернул защелку и, повалившись на лежанку, сразу уснул.

Его разбудил шум в коридоре. Что-то тяжелое прокатилось по полу и, ударившись о стену, со звоном раскололось. Послышались быстро удаляющиеся шаги, и все стихло, но из-под двери потянуло вдруг едким противным запахом. Улисс поднялся с лежанки, зажег в печи от еще тлеющих углей короткую сальную свечку и, приоткрыв дверь, выглянул в коридор. На полу возле двери он увидел лужу темной маслянистой жидкости и осколки стеклянного сосуда. Улиссу редко доводилось видеть настоящее стекло, поэтому он опустился на корточки и с интересом стал рассматривать эти удивительные осколки, прозрачные, как льдинки, и острые, как нож.

Но испарения темной жидкости нестерпимо били в нос и заставляли слезиться глаза. Улисс закашлялся и отошел от лужи. Кто-то здесь все-таки есть, подумал он.

Неожиданно в глубине коридора, со стороны лестницы, ведущей в нижние этажи, раздался раскатистый с хрипотцой хохот, послышались неуверенные шаги по металлическим ступеням, затем тяжелый удар, грохот падения и новый взрыв хохота – уже откуда-то издалека.

Подняв свечу повыше, Улисс направился к лестнице. На площадке уже никого не было, но снизу доносились отдаленные звуки и голоса. Улисс стал осторожно спускаться по ржавым ступеням и вдруг увидел на одной из них глубокую свежую вмятину. «Ого!» – подумал он, наклонившись над треснувшей ступенькой. Головой такую выемку не сделаешь, нужно жахнуть изо всей силы дубиной, окованной железом, или, на худой конец, камнем.

Улисс пожалел, что не прихватил чего-нибудь в этом же роде, но продолжал спускаться. Он твердо решил выяснить, что за люди обитают в Большой Яме. Старуха Канитель сказала ему неправду, но, как казалось Улиссу, не для того, чтобы его обмануть, а для того, чтобы уберечь от чего-то. От чего? Похоже, сейчас это станет ясно.

В коридоре третьего подземного этажа тоже было пусто и тихо, только капала где-то вода. Порыжевшие железные двери с болтами, рукоятками, иногда с наружными запорами, тянулись по обеим сторонам коридора.

Интересно, почему во время войны здесь так никто и не поселился, подумал Улисс. Целый город погиб в двух шагах от Большой Ямы, и никому из жителей не пришло в голову спастись. Может быть, они не знали о Яме? А может быть, их просто не пустили сюда? Дед как-то рассказывал, что Яма была закрыта, когда охотники наткнулись на нее неподалеку от развалин города. Не один месяц пришлось повозиться, прежде чем удалось в нее проникнуть. Но никаких припасов в Яме не оказалось, наверное, перед войной их не успели завезти…

– Ох! – явственно послышалось вдруг из-за ближайшей двери.

Улисс вздрогнул.

– О-о-ах! – повторил кто-то таким голосом, будто обливался ледяной водой, задыхаясь от восторга.

– Кто там? – громко спросил Улисс, пытаясь открыть дверь. Но она была заперта. Голос смолк, слышалось лишь чье-то напряженное сопение. Улисс ударил в дверь кулаком.

– Откройте, эй!

Никто не ответил ему. Вместо этого из-за соседней двери раздался вдруг протяжный стон. Улисс метнулся туда, но и эта дверь была заперта изнутри. Стон повторился. С другого конца коридора донесся чей-то надрывный кашель.

– Кто там есть? Отзовитесь! – кричал Улисс, колотя во все двери. Одна из них подалась, и он неожиданно оказался в тесной комнатке с голыми бетонными стенами. Грязный худой человек сидел на полу комнаты, сжимая в руке маленький флакончик из тонкого стекла. Увидев Улисса, он поспешно сунул флакончик в рот и с хрустом принялся его жевать. На лице его появилась блаженная улыбка.

– Ты кто? – спросил Улисс, отступая.

– Тсс! – Человек приложил палец к сочащимся кровью губам. – Разве ты не знаешь? Осока снова выбралась из шахты. Она бродит по этажам и собирает всех, чтобы увести с собой. Слышишь? Она идет сюда!

Улисс вдруг в самом деле услышал приближающиеся шаги.

– Осока идет сюда, – повторил человек и, не отрывая взгляда от двери, ползком попятился к противоположной стене.

Улисс обернулся. Он был настолько ошеломлен происходящим, что, наверное, не удивился бы, если бы в самом деле увидел погибшую весной старшую дочь Канителей. Но в дверях появилась не она. Поигрывая огромной, окованной железом палицей, в комнату вошел Шибень, старый приятель Улисса, один из городских сторожей.

Улисс расхохотался:

– Шибень! Ты как здесь? Решил все-таки со мной идти? Вот молодец! Тут у них, знаешь, что-то странное творится, я чуть не тронулся – ничего понять не могу!

Шибень остановился у двери и, прищурившись, с ног до головы окинул Улисса насмешливым взглядом.

– Ты зря становишься на задние лапы, свирепень, – произнес он каким-то чужим, сдавленным голосом, – от этого ты стал меньше, и я все равно убью тебя.

Он поднял дубину и начал осторожно подступать к Улиссу. В глазах его застыла спокойная уверенность, как у опытного лесоруба, примеривающегося свалить подходящее дерево.

– Что с тобой, Шибень? – испугался Улисс. – Ты не узнаешь меня?

– Просто удивительно, – сказал Шибень, медленно приближаясь, – как ты похож на одного парня. Ты всегда становишься похожим на тех, кого сожрал, свирепень?

Улиссу стало страшно. Он боялся не дубины Шибня, а его глаз, бессмысленно задумчивых, будто незрячих. Он почувствовал вдруг страх перед этой комнатой, перед худым, грязным человеком, бьющимся в судорогах у испачканной кровью стены, он почувствовал себя погребенным в Большой Яме, как в могиле.

– Шибень, ты что? Очнись! – повторял он в отчаянии. – Это же я, Улисс!

– Улисс, – задумчиво произнес Шибень, продолжая наступать. – Улисс был настоящий охотник, да! Он ничего не боялся, даже в новые земли собирался идти… Только потом передумал. Я, говорит, лучше пойду в Большую Яму. Старуха Канитель меня любит, она отдаст мне все ящики, и я открою их, и все ампулы будут мои! – В глазах Шибня загорелся ужас, он перешел почти на крик. – И я, говорит, буду разламывать их, одну за другой, и пить сок! И никому! Никому! Никогда! Ни капли не дам попробовать!

Он выкрикивал слова и трясся как в лихорадке.

Слезы текли по его щекам, дубина выпала из рук, но он этого даже не заметил.

– Одну за другой! – кричал он, беспорядочно размахивая руками, будто отбиваясь от невидимого врага. – Никому! Ни капли! Он все выпьет сам! Так нельзя. Неправильно так! Все хотят! Я хочу, я!

И, закрыв руками лицо, Шибень разревелся. Он долго, всхлипывая, бормотал что-то неразборчивое, а затем вдруг умолк, поднял глаза на Улисса и спокойно произнес:

– И тогда мы убили тебя, Улисс. Выследили и убили. Сначала сломали твои лыжи и унесли еду, а потом разбудили свирепня…

– Но зачем? – прошептал Улисс.

Он испытывал и жалость, и ужас одновременно.

– Мы боялись, что ты заберешь наши ампулы, – просто сказал Шибень, – старуха и так дает их очень редко. А тебя она любила и могла отдать все сразу.

– Да какие еще ампулы? – Улисс схватил Шибня за плечи и тряхнул изо всех сил. – Ты можешь мне объяснить, что это такое?

– Я объясню, Улисс, – послышалось вдруг от двери. В комнату вошла Канитель.

– Вот, посмотри.

Она протянула Улиссу уже знакомый ему стеклянный флакончик. Точно такой же на его глазах сжевал неподвижно лежавший теперь на полу грязный человек.

– Это называется «ампула», – сказала старуха. – Осока нашла несколько ящиков таких штук где-то в нижних этажах. Она попробовала этот сок раз-другой, а потом стала всем говорить, что он очень вкусный, угощала и Шибня, и Вихра, и Проныру тощего, да и других… В общем, всем, кто к нам приходил, она этого сока дала отведать. Одни плевались и больше не хотели и пробовать, другие говорили, что, мол, ни то ни се, но потом снова приходили и просили угостить. Когда-то я такие ампулы видала еще в Убежище, и было в них лекарство, поэтому и не ждала никакой беды, думала даже, полезные они. Мне ведь невдомек было, отчего Осока стала вдруг меняться на глазах, есть ничего не хотела, исхудала вся… А по ночам встанет и ходит, будто ищет что-то. Окликнешь – не обернется, только разговаривает сама с собой. Пробовала я ее лечить, да все без толку. Одна ей радость – разломит ампулу, сок высосет и уходит скорей куда-то в нижние этажи. Забиралась в самую глубь, да однажды и совсем не вернулась. Бросилась я искать, к шахте спустилась, но нашла только одежды

клок, да пролом в настиле – гнилой он совсем, перекрытие ржавое, а под ним ничего нет до самого дна.

А эти, – старуха кивнула на Шибня, – как и раньше, что ни день приходят и требуют, дай им ампулу, и все тут. Мясо приносят, дрова, воду чистую где-то достают, последнее из дому волокут – только ампулы давай. Да и не дай попробуй. Бешеные ведь делаются – убьют и не заметят.

Уж как я обрадовалась, что ты не за гадостью этой пришел, что уходишь завтра и с компанией здешней не свяжешься! Ведь никак мне с ними не справиться – звери уже, а не люди. Плюнула бы на все, да и ушла куда глаза глядят, да боюсь, ящики эти они найдут и в Город притащат. Что же будет тогда? Конец Городу. Он и так еле жив, а то и вовсе вся жизнь прекратится…

– Жизнь! – просипел вдруг Шибень. Он не отрываясь смотрел на ампулу в руках Улисса. – Что ты городишь, старуха! Никакой жизни не бывает! Только сны. Один страшный, длинный – там снег, холод, свирепень, уроды. Целый город уродов! Там кругом отрава, и Яма, и старуха, и ампулы, и стены, и потолки, и темень, шахта! Там страшно. И хочется только проснуться… А другой сон… Там не так. Там солнце и тепло. И цветы. Знаешь, что такое цветы? И я не знал, а там увидел. И земля там – огромная, и никаких Мертвых Полей, беги, куда хочешь. Или лети. Я там летаю много… Летишь! А под тобой цветы. И вода – прямо из ручья. И небо – не серое, и не черное, как у вас, а такое, знаешь… Другое совсем. А вы тут… Эх! Не надоело вам? Так и будете всегда в одном сне? Удавиться ведь легче! Проснитесь, дураки! Как же вы не понимаете, что лучше там умереть от счастья, чем сдохнуть здесь в стылой конуре? Как же вы… Эх! Да что с вами говорить!

Шибень вдруг бросился к Улиссу и выхватил у него ампулу. Потом, проворно отбежав в дальний угол, он дрожащими пальцами отломил стеклянную головку и стал поспешно высасывать из ампулы содержимое.

– Не надо, Шибень, не пей, погоди! – крикнул Улисс. Но Шибень уже не обращал на него внимания.

С отсутствующей улыбкой он лег на пол, отвернулся к стене и замер…

…Ящики оказались удивительно тяжелыми. Улиссу приходилось брать их по одному и осторожно, чтобы не рассыпать ампулы, спускаться по крутым железным ступенькам. Он боялся надолго оставить их без присмотра, хотя знал, что в Яме все спят, успокоенные новой порцией «сока». Последней порцией, подумал Улисс, нащупывая ногой ступеньку. Как хотите, ребята, а больше вам этой отравы не пить.

– Ну почему отравы? – возражал голос Шибня, все еще звучавший в ушах. – Ты сам-то пробовал? Ты попробуй сначала, а потом уж говори – отрава… Дурак! Зачем куда-то идти, зачем искать новые земли, когда я тебе и так могу сказать: да, новые земли есть. Да еще какие! Без конца-края, без снега, без горя! Вот они, у тебя в руках! Разломи только ампулу – и они твои!

Улисс мотал головой, отгоняя голос, но он не отставал:

– Одну только ампулу! Ну что тебе будет от одной? Заглянешь – и назад. А уж остальные можешь выбрасывать, бить и топтать, сколько влезет. Потом.

– Нет! Нельзя! – рычал Улисс, борясь с очередным ящиком, не входившим в узкий дверной проем. – Если я не выброшу их сейчас, больше уж никто не сможет!

И ампулы попадут в Город, подумал он. И Город умрет. И не станет больше людей, как будто зря уцелели в войну их предки, как будто зря они сами приспособились к жизни на холодной и отравленной земле.

Протащив последний ящик по коридору, ведущему к шахте, Улисс, кряхтя, взгромоздил его на остальные и в изнеможении опустился на пол.

– Ну вот и все! – сказал он, вытирая пот со лба.

Все пять ящиков стояли теперь один на другом у самого края пролома. Стоило легонько толкнуть эту башню плечом…

Но Улисс не спешил. Тихий голос Шибня снова зазвучал у него в ушах:

– Ты боишься, что Город умрет. Но ведь он и так умирает. Долго умирает, мучается. А зачем? Спроси у любого умирающего, где ему больше хочется прожить последние дни – в вонючем подземелье или на солнечной поляне у ручья? Спроси у Ксаны.

Улисс застонал. Поднявшись на ноги, он медленно подошел к ящикам, протянул руку и взял из самого верхнего ампулу.

– Попробуй, попробуй, – убеждал Шибень, – и Ксане дай попробовать, увидишь – ей будет легче. И меня не забудь…

– Но я должен найти проход через Мертвые Поля! – закричал Улисс.

– Какой проход? Зачем? Выдумки это все, нет никакого прохода и земель никаких нет. Да и не нужны они тебе.

– Мне люди нужны, – возразил Улисс.

– Люди! Ты же сам не веришь, что найдешь людей!

– Верю, – сказал Улисс, – верю, потому что для Города это последняя надежда. А надежду нельзя заменить ничем.

И он решительно положил ампулу на место.

– Что ты делаешь?! – рыдал Шибень. – Ну, одну, одну хоть оставь! От нее же не будет вреда, от одной!

– Нет, – сказал Улисс и, отступив на шаг, ударил ногой в середину башни.

Прошло несколько дней с тех пор, как Улисс покинул Большую Яму. Он быстро шел вперед и уже видел встающие на востоке вершины Предельных Гор. Лес все редел, стройные высокие сосны совсем исчезли, вместо них попадались лишь уродливые низкорослые деревца.

Зверей почти не было видно, даже следы на снегу встречались очень редко. Ночью небо на востоке слабо светилось, подернутое бледно-зеленой пеленой.

Улисс напрасно искал хоть какие-нибудь приметы, указывающие на проход через Мертвые Поля. Он видел только, что все больше углубляется в опасную, необитаемую и непригодную для жизни страну.

«Куда же девалось зверье? – с досадой думал он, сидя ночью у костра. – Ведь если придется остаться в этих местах надолго, совсем не мешает пополнить припасы».

Когда-то Улисс уже бывал здесь вместе с другими охотниками и помнил, что дичь все-таки попадалась изредка, теперь же полное запустение царило кругом.

Может быть, все звери ушли за Мертвые Поля? Но как найти этот путь, если следы давно занесены снегом, если нет возможности охотой добывать себе пищу?

«Неужели придется возвращаться ни с чем? – думал Улисс, с тоской глядя на сплошную, непреодолимую горную гряду впереди. – Почему мне казалось, что стоит только добраться сюда, и проход обнаружится сам собой? Дед убедил меня в этом. Да я и сам себя убедил, лишь бы поскорей бежать из Города…»

Низкий рев, прокатившийся вдруг над заснеженной равниной, заставил его вскочить на ноги. Отойдя на несколько шагов от костра, Улисс долго вглядывался в темноту и наконец заметил вдалеке приближающуюся редкими скачками неясную фигуру. Зверь был гораздо меньше свирепня, но, пожалуй, крупнее обыкновенного клыкана, поэтому Улисс поспешил вооружиться копьем и дубиной, отнятой у Шибня.

Рев повторился. В нем слышалось нетерпение изголодавшегося хищника, завидевшего наконец добычу.

Улисс приготовился к бою. Он был неплохим охотником и не раз вступал в схватку сразу с несколькими клыканами, но этот зверь никогда не попадался ему раньше на охотничьих тропах, и Улисс чувствовал, что для поединка с ним ему, возможно, понадобится вся его сила и ловкость. Кроме того, он и сам был голоден.

Теперь, когда тысячелетия человеческой истории превратились в давно забытые выдумки, человек и зверь снова стали равноправными участниками борьбы за существование и встречались, не зная заранее, кто из них охотник, а кто добыча. Копье и дубина против клыков и когтей – все так же, как сотни тысяч лет назад, если не считать блеска Мертвых Полей да черного, иззубренного силуэта высокого здания на фоне Предельных Гор.

Шагов за сто от костра хищник остановился. Бока его тяжело вздымались. Он приглядывался к Улиссу, словно стараясь оценить силу противника. Улисс тоже внимательно рассматривал его мощные когтистые лапы, массивное туловище, покрытое облезлой, с проплешинами, темной шерстью, шишковатую, в буграх и наростах, голову и вытянутую пасть, из которой во все стороны торчали одинаково длинные и острые зубы.

С пронзительным, устрашающим шипением зверь двинулся в обход костра, зорко следя за человеком.

Улисс понял этот маневр и старался поворачиваться так, чтобы костер все время оставался между ними. Хищник постепенно приближался, все ускоряя бег, и наконец бросился в атаку напрямик. Улисс, опустив копье, стоял неподвижно. Решив, что его жертва парализована страхом, зверь еще прибавил ходу, он спешил поскорее смять ее и вонзить зубы в теплое мясо. Улисс ждал. Из пасти зверя вырывалось нетерпеливое рычание, он собирался уже, сделав последний прыжок, всей массой обрушиться на добычу, как вдруг человек резко поднял копье и нанес молниеносный удар. Хищник не смог сразу остановиться, и вонзившийся в его горло стальной наконечник проникал все глубже, разрывая сосуды и мышцы.

Зверь захрипел, поднялся на дыбы и ударил копье лапой. Древко с хрустом переломилось, но рана от удара стала только шире, из нее потоком хлынула кровь. Зверь тяжело опустился на передние лапы. Улисс не дал ему времени прийти в себя. Подхватив тяжелую, обитую железными пластинками дубину, он изо всех сил ударил хищника по голове. Раздался треск. Зверь замер, словно прислушиваясь к чему-то, а затем вдруг рухнул на землю и, уткнувшись носом в снег, затих. Улисс перевел дух. Он не чувствовал усталости – победа вернула ему силы. Кроме того, он был теперь надолго обеспечен мясом, если только оно съедобно. Во всяком случае, стоило продолжать путешествие.

Разделывая тушу и снимая с нее шкуру, Улисс вдруг обнаружил на задней лапе зверя не зажившую еще рану с запекшейся на ней кровью. Он сделал надрез и извлек маленький металлический предмет, состоявший из помятой, надорванной оболочки и более твердого сердечника. Улиссу никогда не доводилось видеть пули, но он понял, что такое можно изготовить только человеческими руками.

Конечно, это мог быть и просто обломок металлического штыря, на который зверь напоролся, пробираясь где-нибудь через развалины, но Улисс, сам не зная почему, был уверен, что рану нанесли люди.

Люди! Они где-то не очень далеко. Значит, он на верном пути, значит, нужно идти вперед, что бы ни случилось…

Два следующих дня не принесли изменений. Улисс приблизился к самому подножию Предельных Гор и теперь двигался вдоль гряды на север, с опаской поглядывая на изумрудные сполохи, загоравшиеся в небе по ночам. Считалось, что воздух здесь вредный и дышать им долго нельзя.

Если через день-два не обнаружится каких-нибудь признаков прохода, подумал Улисс, придется отойти на безопасное расстояние и некоторое время переждать. Вот только неизвестно, какое расстояние здесь безопасное, а какое опасное. Пока никаких неприятных ощу-

щений, кроме постоянной, привычной уже тревоги, он не испытывал, но кто знает, не будет ли поздно, когда они появятся? Кроме того, назад, может быть, придется идти и из-за дров. Здесь ничего не росло даже весной и летом, а запас, принесенный из леса, уже кончался.

Поздним вечером на второй день своего путешествия вдоль Предельных Гор Улисс остановился на ночлег на склоне невысокой конусообразной горы. Прежде чем лечь спать, он решил забраться повыше на гору и хорошенько оглядеться, пока окончательно не стемнело.

Он сбросил мешок и лыжи и, прыгая с камня на камень, стал подниматься по склону. Небо на западе еще светилось багровой полосой, но уже разгоралось над вершинами гор зыбкое зеленое сияние. Оно ничего не освещало, наоборот, равнина внизу казалась из-за него погруженной в черную, непроницаемую тьму, и только на обращенных к закату склонах еще можно было что-то разглядеть.

Улисс вскарабкался на гладкий каменный выступ недалеко от вершины и стал внимательно рассматривать поднимавшуюся перед ним гряду.

Если и есть в этой сплошной стене пролом, как можно найти его, не зная, где искать? Да и куда он ведет?

Может быть, в новые земли, а может быть, в самую глубь Мертвых Полей. А настоящий, безопасный проход лежит в двух днях пути отсюда на юг. Или на север.

Как узнать?

Улисс повернулся в ту сторону, куда предстояло ему идти завтра, и замер. Там, далеко впереди, на погрузившихся уже в темноту склонах ярко светились четыре оранжевых огонька. Да ведь это костры! Словно светлее вдруг стало вокруг и теплом повеяло от далеких огней. Горы перестали быть мертвым холодным миром – в нем появились люди.

Люди, думал Улисс. Наверное, охотники. Только не наши, из Города сюда давно уже никто не ходит. Нет, они пришли оттуда – из-за Мертвых Полей! Они собираются охотиться в нашем лесу, а может быть, уже возвращаются обратно. Нужно обязательно посмотреть на них вблизи. Посмотреть и поговорить, если получится. Скорее! Главное – не потерять их из виду.

Он почти бегом спустился к своей стоянке и, нацепив кое-как лыжи, быстро покатился с горы. Огоньки все ярче разгорались с наступлением ночи, и Улисс, глядя на них, все ускорял бег. Единым духом он перемахнул крутой заснеженный отрог, лавируя среди камней, миновал широкую осыпь и спустя некоторое время оказался на краю неглубокой лощины, поднимавшейся куда-то в горы. Огни виднелись на дне лощины, но выше по склону, вероятно, Улисс в спешке потерял направление, и ему, чтобы добраться до них, предстояло теперь подняться немного в гору. Оттолкнувшись копьем (новым, вырезанным взамен того, что было сломано зверем), он скатился на дно лощины – там было побольше снега и совсем не попадались камни – и зашагал туда, где светились костры. Вместо четырех он видел теперь только два из них и начал беспокоиться, не гасят ли охотники огонь, собираясь в дорогу.

Улисс пошел быстрее. Несмотря на довольно крутой подъем, идти по плотному снегу было легко, и он широко шагал, помогая себе копьем. Преодолев за короткое время немалое расстояние, он с удивлением обнаружил, что костры ничуть не приблизились, даже как будто стали дальше. Улисс остановился и, тяжело дыша, с обидой глядел на далекие огни. Убегают они, что ли?

И вдруг он увидел: один из огней разделился надвое, и обе светящиеся точки, чуть подрагивая, разбрелись в разные стороны. Спустя некоторое время они слились снова и снова разделились, и тогда Улисс заметил, что они действительно удаляются. Нет, это не костры, подумал он. Это, пожалуй, факелы. Но зачем им факелы, когда дорогу видно и так? Может, у них со зрением плохо? А может, этим беднягам так досталось во время войны, что

они до сих пор не знают, что такое кремень и огниво? Нет, нет, все не то… Тут что-то совсем другое…

А! Ну, конечно! Улисс ударил себя кулаком по лбу и быстрее прежнего кинулся вверх по лощине. Скорее! Скорее! Только бы не отстать! Теперь он понял: факелы нужны. Они просто необходимы. Ведь путь через Мертвые Поля проходит, оказывается, под землей! Да и где ж ему еще проходить? Просто удивительно, как можно было столько дней ломать голову и не додуматься до такой простой вещи!

Сердце Улисса бешено колотилось, но не из-за сумасшедшей гонки, впервые за все время своего путешествия он был уверен, что идет по правильному пути.

Впервые он по-настоящему чувствовал, что с каждым шагом приближается к проходу, ведущему в новые земли. Как он мечтал об этом в Городе! Как часто он видел во сне эти горы, расступающиеся перед ним и пропускающие его в залитую солнцем страну. «Там солнце и тепло, – вспомнил он слова Шибня, – и цветы… И земля там огромная… И вода – прямо из ручья…» Должно же это хоть где-нибудь быть на самом деле!

Края лощины поднимались все выше. Скоро они вообще сомкнутся, думал Улисс. Лощина тогда превратится в пещеру. Делать нечего, нужно быстрее догнать людей, иначе придется ползти в полной темноте.

– Эге-гей! – закричал он что есть силы. – Подождите!

Огни спокойно двигались вдалеке, выстроившись гуськом и не особенно торопясь. Но едва голос Улисса разнесся по лощине, они дрогнули и вдруг, как по команде, бросились врассыпную. Один из них стал быстро удаляться в прежнем направлении, а трое других принялись карабкаться на откос.

Улисс в растерянности остановился. Что с ними? Почему они так испугались? Может быть, это ловушка и они хотят его окружить? Но ведь он на лыжах, а у них, судя по цепочке следов, лыж нет. Он легко уйдет от них в случае опасности, так что этого можно не бояться.

Улисс приблизился к проложенной людьми тропе и стал разглядывать следы. До сих пор ему было не до них, он видел только, что это не лыжня, а больше при мутном, неверном свете Мертвых Полей и увидеть было нельзя. Теперь же он склонился над тропой и внимательно всмотрелся в след.

Что такое? Улисс с ужасом поглядел в сторону быстро удаляющихся огней. Не может быть! Все следы были отпечатками раздвоенных копыт! Он бессильно опустился на снег. Это не люди!

В голове его сам собой всплыл давний рассказ Деда.

Есть такой зверь особенный, говорил Дед, у этого зверя шкура светится в темноте прямо как огонь. Зачем ему это, неизвестно, и почему такое может быть, тоже неведомо. А пасется он, говорят, на Мертвых Полях и жрет камни, потому как ничего там, понятное дело, не растет.

Улисс не очень поверил тогда Дедову рассказу. Да и сейчас, убедившись, что Дед не выдумал странного зверя, он думал о другом. Он был ужасно разочарован.

Ведь как прекрасно все складывалось, как ясно выходило одно из другого все, что он предполагал! Увидел костры – значит, рядом люди. Факелы – значит, путь проходит под землей. А куда он ведет? Ну конечно же, в новые земли! И вот из-за этих проклятых светящихся тварей рассыпалось самое первое звено. Они оказались не кострами и не факелами людей, а всего лишь бродячим семейством безмозглых скотов. Улисс чувствовал себя так, будто какая-то сила отбросила его назад, к самому началу путешествия. Он уже увидел было людей, и снова потерял, и не знал теперь, как и прежде, существуют они или нет. И новые земли, казавшиеся уже такими близкими, исчезли в одно мгновение. Пропал, будто обрушился, и подземный ход.

Впрочем, тут еще оставалась маленькая надежда.

Ведь куда-то же шли эти звери? Если верить Деду, выходит, что лощина может привести прямо в Мертвые Поля. Бежать, значит, надо отсюда, пока не поздно… Только вот никак не верится, что в Мертвые Поля кто-нибудь может по своей воле ходить. Нечего там делать ни человеку, ни зверю, будь он хоть светящийся, хоть распересветящийся. Смерть там, и дороги туда нет, и лощина наверняка не туда идет. А куда? Хорошо бы узнать. Не поворачивать же, в самом деле, назад! Сил ведь не хватит снова что-то искать, не зная даже толком, что именно.

Улисс поднялся, поправил лыжи, подтянул мешок как следует, укрепил на спине дубину и снова двинулся в путь. Он шел теперь медленно, будто устав от дальней дороги, на сердце у него было тяжело.

Долина открылась внезапно и во всю длину. Вернее даже, не долина, а глубокое ущелье, наполненное клубящимся паром, красным от лучей встающего на востоке солнца. Слева и справа высоко поднимались почти отвесные стены, заслоняющие долину от сияния Мертвых Полей. Среди камней пробивались зеленые кустики, а дальше под слоем тумана угадывалась сплошная темная масса зелени. Тысячи запахов плавали во влажном разогретом воздухе. Чувствовалось, что жизнь бурлит здесь, как жирная похлебка на жарком огне. Еще не веря глазам, Улисс стал медленно спускаться по каменистой тропе. Ему казалось, что он погружается в странный сон, не то в мечту, не то в кошмар, и ощущает чью-то смутную угрозу, а может быть, и не угрозу, может быть, обещание, и боится, ужасно боится этой неизвестности, но еще больше боится проснуться.

Впервые в жизни его теплая меховая куртка показалась ему тяжелой и неудобной. Он чувствовал себя глупо в этой влажной жаре с лыжами под мышкой. Он понимал, что здесь, в долине, все по-другому, все не так, как в привычном мире, и это сулит массу неожиданностей, а потому надо быть очень осторожным.

Впрочем, неожиданности могут быть и приятными. Например, это тепло, идущее из-под земли, или густая, сочная трава, указывающая на то, что здесь много чистой воды. Да, если таким оказался проход в новые земли, то какими же будут они сами! Улисс уже не сомневался, что путь в новые земли лежит через открытую им долину, ему даже казалось, что когда-то давно, в неясных мечтах, он именно так его себе и представлял.

Туман на дне ущелья оказался не очень густым, кроме того, с наступлением дня он все больше рассеивался, и, когда Улисс приблизился наконец к зарослям высокого кустарника, они уже совсем не казались опасными. Солнце играло на широких влажных листьях, его лучи яркими пятнами ложились на тропу, продолжавшуюся под зеленым сводом. Улисса поразило птичье многоголосье, раздававшееся со всех сторон. Поначалу он тревожно вертел головой, пытаясь разглядеть каждую птицу, но постепенно привык и уже не вздрагивал, если поблизости вдруг раздавалась громкая трель.

Спустя некоторое время заросли расступились, и впереди заблестела неширокая речка. Улисс в нерешительности остановился. Он хорошо знал, как коварны бывают реки, несущие прозрачную, но смертельно опасную воду с Мертвых Полей или мутную, гнилую и ядовитую воду со стороны брошенного города. Но у тех рек были голые, каменистые или покрытые вонючей слизью берега, а здесь… Здесь изумрудная травка росла у самой воды, и прибрежные кусты, склонившись над рекой, окунали в нее сочные продолговатые листья.

Улисс засмотрелся на эту неправдоподобную картину и не сразу заметил, как чуть в стороне из зарослей, боязливо озираясь, вышло крупное животное с тремя толстыми короткими рогами на голове.

«Быкарь!» – чуть не закричал Улисс, увидев его. Вот он, без вести пропавший кормилец, столько лет снабжавший население Города мясом и одеждой. Нашелся, беглец! Но куда это его несет? Там же река, он что, не видит? Странно. Всегда быкари реку чуяли за полдня

пути и ближе не подходили, хоть убей. А этот… Нюх потерял, что ли? Пропадет же, туша бестолковая!

Но быкарь не проявлял ни малейшего беспокойства. Приблизившись к реке, он нагнул голову и стал пить воду с таким видом, будто никогда в жизни не приходилось ему, подолгу принюхиваясь, осторожно слизывать языком тончайший слой снега и таким образом утолять жажду.

Улисс застыл. Этого не может быть, думал он. Это обман. Ведь река, она и есть река. Любой ребенок знает – ничего нет страшнее и опаснее реки. Она просто заманивает его, чтобы убить…

Он стал медленно пятиться назад по тропе, но никак не мог оторвать взгляд от ярких солнечных бликов на поверхности воды.

«И вода – прямо из ручья», – зазвучал в ушах голос Шибня. Улисс остановился. Он вдруг почувствовал, что ему мучительно хочется пить.

Нет, нельзя, говорил он себе. Она притворяется, это просто такая река, у нее такой способ убивать. Одни одурманивают ядовитыми парами, другие заманивают на предательски обвалившийся берег или разбрасывают вокруг камни, с виду совсем как настоящие, но на самом деле – пузыри с едкой дымящейся жидкостью, мгновенно сжигающей и кожу, и дерево, и даже металл, а эта река действует по-своему – прикидывается безобидной и желанной, как сон. Все они одинаковые, ото всех нужно держаться подальше!

Но, повторяя это про себя, Улисс снова двинулся вперед и сам не заметил, как оказался на берегу. Опустившись на колени, он протянул руку и осторожно тронул воду. Она была прохладная и чистая, длинные бурые водоросли медленно колыхались на дне, среди них, посверкивая чешуей, сновали мелкие рыбки. Улисс наклонился и, ощущая дрожь во всем теле, коснулся воды губами. Жив, подумал он. Почему я все еще жив?

И вдруг начал пить большими глотками, не останавливаясь, чтобы понять наконец, обман это или сон, или неожиданно сбывшаяся мечта, в которую никогда до конца не верилось…

Ночь наступила сразу, едва солнце скрылось за высокой скалой на западе. Снова опустился туман, и в лесу стало совсем темно. Птицы смолкли, слышались только отдаленные шорохи и иногда треск сучьев. Улисс поднялся с земли и, сладко потянувшись, искоса посмотрел на лежавшие в траве вещи: мешок, дубину и лыжи.

Сон на берегу реки вернул ему силы, но снова взваливать на спину весь этот громоздкий и, кажется, совершенно бесполезный здесь груз ужасно не хотелось. Пробираться в полной темноте извилистой тропой, цепляясь лыжами за кусты и ветки деревьев, – зачем? Улисс решил здесь же, на берегу, и переночевать, только осмотреть предварительно окрестности, набрать дров и развести костер. Он двинулся вдоль реки, подбирая по дороге обточенные водой и иссушенные солнцем обломки деревьев, которые заметил еще днем.

Неожиданно из глубины леса донесся низкий протяжный вой. Улисс, только что выдернувший из песка большую корягу, уронил ее в воду и замер, испуганно вглядываясь в темную чащу. Этот вой, почти рык, был ему хорошо знаком. Так мог выть только один зверь на всей земле – свирепень. Улисса охватила тоска. И здесь он, этот проклятый убийца!

В лесу послышался приближающийся треск сучьев, это зверь, не разбирая дороги, пробивался сквозь чащу к берегу реки. Улисс наконец спохватился. Он бросил собранные дрова и, даже не вспомнив о мешке и лыжах, побежал к лесу. Однако, прежде чем ему удалось скрыться в зарослях, за спиной раздался оглушительный победный рев и на противоположном берегу появился свирепень. Улисс понял, что зверь заметил или учуял его и теперь не остановится, пока не догонит. Огромная черная тень быстро приближалась к реке. Не помня себя от ужаса и отчаянья, Улисс бросился в заросли, чтобы только не видеть этой скачущей

туши и кровожадной морды. Он бежал, как ему казалось, во весь дух, но понимал, что на самом деле едва продирается сквозь кусты, которые свирепень может подминать под себя или расшвыривать, как траву. Позади уже слышался громкий плеск – зверь переходил речку вброд. Сейчас он выйдет на берег, в несколько прыжков достигнет зарослей, а там…

Улисс на ходу оглянулся и в то же мгновение налетел плечом на какое-то препятствие. Вскрикнув от боли, он резко повернул в сторону, но вытянутая рука и здесь натолкнулась на твердую холодную преграду. Перед ним была стена. Улисс застонал. Неужели здесь и придется умереть? Он стал лихорадочно ощупывать руками шершавую поверхность стены, в надежде отыскать ее край или какое-нибудь отверстие. Снова послышался хруст ветвей – свирепень вошел в чащу.

Улисс почувствовал под рукой холодный металлический прут, сильно изъеденный ржавчиной. Над ним обнаружился еще один и еще – целая лесенка! Приглядевшись, он заметил узкую темную щель, уходящую вверх, это была полоска обнажившейся арматуры. Как высоко она поднимается и доходит ли до края стены, Улисс не знал, но, не задумываясь, ухватился за прутья и полез вверх. Если лестница сейчас кончится, думал он, свирепню не придется даже наклоняться, добыча будет как раз на уровне его морды…

Но лестница не кончилась. Улисс поднимался сначала торопливо, цепляясь за что попало, обдирая колени и больно ударяясь об острые края щели, а затем все медленнее, тщательно выбирая надежный прут, прежде чем повиснуть на нем всей тяжестью. Он не знал, на какую высоту успел забраться, но, судя по доносившемуся сюда треску кустов, зверь был где-то далеко внизу, может быть, под самой стеной. Неожиданно стало светлее, и Улисс понял, что поднялся уже выше деревьев. Странно, как он не заметил этой стены днем?

Скоро стала чувствоваться усталость в руках. Пальцы задеревенели и с трудом разгибались. Вдобавок трещина начала вдруг сужаться, и Улиссу едва удавалось вцепиться в очередную перекладину. Он чувствовал, что на спуск у него уже не хватит сил, даже если бы он и хотел спуститься. Но спускаться нельзя – свирепень не уходит так быстро. Он будет бродить поблизости и день, и два – сколько понадобится. Лучше уж просто выпустить перекладину из рук, когда не сможешь больше держаться. Пасти зверя все равно не избежать, так хоть лишить его удовольствия рвать на куски живое тело.

И вдруг что-то произошло. Улисс не сразу понял, почему он никак не может нащупать следующую перекладину, потом удивился, что это его нисколько не расстраивает, и только после этого сообразил – стена кончилась. Ухватившись обеими руками за край, он подтянулся и лег грудью на горизонтальную площадку. В темноте нельзя было разобрать, что это за площадка и какого она размера. Немного отдохнув, Улисс осторожно пополз вперед и сейчас же наткнулся на какую-то сложную металлическую конструкцию. Из темноты выступала массивная опора, на которой была укреплена горизонтальная труба, окруженная крупными и мелкими деталями. Один конец трубы торчал в сторону леса, другой был упрятан в длинный ящик – кожух. На кожухе Улисс обнаружил две рукоятки, похожие на дверные ручки, какие он видел в Большой Яме. Он взялся за них, и вся конструкция вдруг легко повернулась, не издав ни малейшего скрипа, Улисс поспешно вернул ее в прежнее положение. Труба снова уставилась в глубь леса, и он невольно поглядел туда же. Палец сам собой лег на небольшую пластинку между рукоятками. Улисс легонько нажал на нее, потом потянул на себя, но пластинка не поддавалась. Он стал осторожно ощупывать покрытый маслянистой пленкой механизм, стараясь понять, для чего может служить все это железо.

Какой-то крючок соскочил вдруг под его пальцами, и сейчас же ночная тишина взорвалась оглушительным пульсирующим грохотом. Улисс с ужасом смотрел, как из трубы, трясущейся в его руках, стремительно один за другим вылетают яркие огни и, впиваясь в темную чащу, озаряют ее ослепительными вспышками. Срезанные ими верхушки деревьев беззвучно валились вниз, и там, куда они падали, из кустов сейчас же поднимались языки

пламени. Улисс наконец пришел в себя и рванулся прочь от страшной машины. Сейчас же грохот оборвался так же внезапно, как и начался, и эхо, в последний раз пролетев над долиной, утихло вдалеке. Слышно было только, как трещит огонь в лесу да хрустит где-то в кустах улепетывающий свирепень.

Вот это да, подумал Улисс. Видно, это и есть «довоенная техника», как ее называют старики. Ему много раз приходилось слышать рассказы о гигантских силах, которыми управляли люди до войны. Он видел даже обломки каких-то машин и непонятных аппаратов, но все это было давно испорчено, проржавело, и никто не знал, что с этим делать. Впервые Улиссу попалась машина из тех странных, забытых времен, которая почему-то осталась целой и работала. Да как работала!

Только теперь он представил себе, какую звериную ненависть друг к другу, какой злобный, отчаянный страх должны были испытывать люди, чтобы изобрести эту холодную железную штуку, способную беспощадно уничтожить все. Даже свирепень боится ее, потому что она не знает, в кого плюет огнем, не чувствует боли своей жертвы, ей безразлично, кого убивать, лишь бы убить.

Стараясь держаться подальше от зловещего механизма, Улисс опустился на колени и в поисках края площадки стал осторожно ощупывать растрескавшийся бетон. Пожар в лесу угас сам собой – было слишком сыро. Стена снова погрузилась во тьму. Некоторое время он медленно продвигался вперед, но до края так и не добрался, видимо, площадка была очень широкой.

Наконец, терпение его лопнуло, он поднялся на ноги и вдруг совсем недалеко впереди увидел освещенное мягким красноватым светом окно. Этот свет поразил его больше, чем все остальные чудеса удивительной долины. Когда-то в брошенном городе он видел множество домов, огромных и маленьких, но ни в одном из них не было освещенного окна – все они были давным-давно заброшены и мертвы. И вот теперь этот светлый прямоугольник, неожиданно появившийся в кромешной тьме.

Это люди, подумал Улисс. На этот раз точно люди. Что ж, давно пора. Он зашагал вперед смелее, потому что свет из окна, хоть и казался слабым, все же немного освещал путь. Улисс понял, что находится на обширной, поросшей травой, кустами, а кое-где даже деревьями, террасе у подножия скал. В центре ее стояло серое приземистое строение, как видно, из бетона. Бетонная же дорожка тянулась к строению от края террасы и упиралась в стену с длинным рядом низко расположенных окон. Свет горел в третьем справа окне.

Подойдя ближе, Улисс обратил внимание на торчащие из земли по обеим сторонам дорожки длинные шесты с округлыми белыми набалдашниками. Они выстроились в два ряда до самого дома. Улисс долго не мог понять, что это такое, пока не приблизился к шесту, на верхушке которого шара не было. Тут он заметил в траве что-то белое и, нагнувшись, поднял твердый округлый предмет, показавшийся ему очень легким для своих размеров. Он поднес его к глазам и вздрогнул: двумя круглыми черными провалами на него глядел человеческий череп. Улисс испуганно покосился на остальные шесты – их было не меньше двух десятков, и каждый увенчан подобным украшением. Хорошая встреча! Куда же он попал? И что теперь делать? Бежать? Нет! Нельзя бежать, ничего толком не узнав.

Улисс бережно опустил череп на траву и, пригнувшись, бросился к ближайшим кустам. Перебегая от одного островка кустарника к другому, он оказался перед домом, осторожно подкрался к освещенному окну и заглянул внутрь.

Стеклянный светильник под потолком, показавшийся Улиссу необычайно ярким, освещал красноватым светом большую запыленную комнату. Посреди комнаты стоял заваленный книгами стол, а вдоль стен – шкафы со стеклянными дверцами. Разглядеть сквозь пыльное окно что-либо еще Улиссу не удалось, но он убедился, что в комнате никого нет. Внимательно оглядевшись по сторонам, он нажал на створки окна, и они вдруг открылись с

неожиданной легкостью. Улисс не стал долго раздумывать и, опершись руками о подоконник, влез в комнату.

Интересного здесь было мало. В шкафах за стеклом тоже оказались книги, они стояли нескончаемыми рядами, занимая все четыре стены, оставив место только для окна и двери. Столько же книг он видел как-то раз в одном подвале в брошенном городе и тогда еще удивлялся, зачем они нужны. Он никак не мог себе представить, для чего их можно использовать, кроме растопки.

Бегло оглядев комнату, он подошел к двери и потянул за ручку. Дверь была заперта. Улисс дернул сильнее, а затем, навалившись на дверь плечом, попытался выдавить ее наружу.

– Напрасно стараешься, парень, – послышался вдруг низкий хрипловатый голос со стороны окна, – заперто надежно!

Улисс стремительно обернулся. К нему, держа наперевес что-то вроде машины, плюющейся огнем, только поменьше размером, приближался высокий широкоплечий человек, одетый в лохмотья и совершенно лысый.

Лицо его поразило Улисса. Оно было темно-багровым, почти черным, без ресниц и бровей, словно его только что опалило пламенем. Остановившись в пяти шагах от Улисса, человек махнул оружием и произнес несколько слов на непонятном языке. Улисс ничего не ответил. Он был захвачен врасплох и все еще не мог прийти в себя. Так глупо попасться! Наверняка этот человек давно следил за ним, может быть, с тех самых пор, как услышал грохот на краю террасы, а потом заманил его в эту комнату, как бестолкового жука, летящего на свет. Вряд ли удастся вырваться силой – железяка в руках у черного человека убивает, пожалуй, быстрее, чем Шибнева дубина, оставшаяся где-то на берегу реки. И все же… Улисс не испытывал страха. Когда прошел первый испуг, он всмотрелся в глаза незнакомца и не увидел в них того, что должно быть в глазах врага – ненависти. Острый, цепкий его взгляд был в то же время чуть насмешливым и снисходительным.

– Ты что, не понимаешь? – спросил человек.

– Нет, – ответил Улисс.

– Из какого же ты леса появился, такой… первобытный?

Последнего слова Улисс опять не понял, но, в общем, вопрос был ясен.

– Я не из леса, – сказал он, – я из Города.

– Из города? – удивился человек, недоверчиво разглядывая его наряд. – А из какого именно города?

Улисс пожал плечами.

– Город один, – сказал он, – в брошенных городах никто не живет. У них и названий нет, потому что туда редко кто ходит.

Глаза незнакомца стали вдруг серьезными.

– Один город, – медленно произнес он, – и это все?

– В наших краях – все. На севере и на западе океан. На юге и на востоке – Мертвые Поля. Ты этого не знаешь?

Человек задумчиво покачал головой:

– Не знаю. Я ничего не знаю, хотя именно мне-то и следовало бы знать…

– Но разве никто из вас, живущих здесь людей, – удивился Улисс, – никогда не ходил на запад?

Незнакомец усмехнулся и, опустив оружие, оперся на него рукой.

– Нет, малыш. «Никто из нас» никогда никуда не ходил, потому что «всех нас» ты видишь перед собой. Я живу в этом ущелье один, как перст, уже добрую сотню лет…

– Сотню лет, – пробормотал Улисс. Он подумал, что перед ним сумасшедший, – но ведь это значит – со времен войны!

– Как ты сказал? Со времен? – человек хмыкнул. – Черт возьми! Вы там у себя в Городе, видно, решили, что были времена войны. Вам кажется, что для уничтожения мира требуются времена! Ничего подобного, малыш! Эта война была самой короткой за всю историю Земли. Она длилась один день. Потому что все было готово заранее. Десятки лет все было готово для проведения войны за один день. Она всегда висела над миром на тонком ненадежном волоске. И когда волосок оборвался, никто уже не мог ничего изменить.

В тоне незнакомца чувствовалась уверенность.

– Откуда ты все это знаешь? – спросил Улисс.

– Еще бы мне не знать! – сказал тот. – Я ведь и сам участвовал в этой войне. И до сих пор участвую, хотя никого из моих врагов, наверное, уже нет в живых.

Все ваши мертвые поля появились из-за меня, из-за того, что здесь придумывалось, делалось и хранилось самое смертоносное на Земле оружие.

Они хотели все это уничтожить первым ударом, но не смогли, а потом им стало уже не до того, они увидели, что им самим и всему миру приходит конец. После первого удара мир сошел с ума. В безумной надежде уцелеть каждый спешил уничтожить всех возможных и невозможных врагов, посылая ракеты наобум. Было несколько взрывов севернее и южнее, а один – прямо на востоке. Долина избежала прямого попадания, но все же ей здорово досталось. Кроме меня, все погибли, да и я уцелел только чудом, выгорели деревья, перемерла живность, а вот монитор, трижды проклятая болванка, нашпигованная ракетами со смертью, остался невредим.

Улисс слушал черного человека и не знал, чему верить. Взрыв на востоке. Значит, нет никакого прохода в новые земли? И земель нет, кроме этой щели в скалах? И он говорит, что все это из-за него, из-за каких-то его «ракет»? Улисс слышал о «ракетах» в детстве, но привык относиться к ним как к чудовищам из страшной сказки, которых давно уже не бывает.

– Кто ты? – спросил он незнакомца, задумчиво глядящего куда-то мимо него.

– Кто я? – переспросил тот. – Я сам думал над этим много лет. Когда-то меня называли громкими именами: «выдающийся ученый», «крупный физик», но потом… Потом я понял, что это ложь. Я всегда был выдающимся убийцей, крупным людоедом, изобретателем смерти. Ты видел черепа вдоль дороги? Это сотрудники моей лаборатории, солдаты, офицеры Управляющего Центра. Они все погибли в тот день. Я потом часто задумывался: кого считать их убийцами? Таких же солдат, сидящих в таком же Центре на другом континенте? Ерунда! Ведь неизвестно даже, откуда именно прилетали сюда ракеты. Да, мир сошел с ума, и все палили во всех, но использовали при этом оружие одной, самой совершенной тогда системы. Моей. Я долго обдумывал это и понял, что настоящий убийца – это я. Такие, как я. Мы наводнили своими дьявольскими изобретениями Землю и космос, мы набивали свои карманы деньгами, свои дома роскошью и не думали о том, что на самом деле набиваем свои желудки человеческими трупами. Иногда мне бывает очень плохо, я начинаю сходить с ума, боюсь и ненавижу сам себя. Однажды, когда это случилось, я разрыл могилы людей, в которых сам их когда-то похоронил, и развесил их черепа вдоль дороги. К чему притворяться? Людоед должен жить по-людоедски. Мертвым не нужен надгробный плач убийцы, они хотят мщения. И мстят. За свои злодеяния я обречен на жизнь. Сто лет я сижу в этом ущелье, не смея отлучиться из своего подземелья больше, чем на час, чтобы снова не стать убийцей. Не понимаешь? Я объясню тебе. Это просто, как все преступное. И тоже мое изобретение. Изобретение, которое я проклинаю сто лет. Оно приковало меня к этому бетонному мешку… Вот и сейчас, – он вдруг насторожился, словно прислушиваясь к чему-то, – да, пора. Идем, я покажу тебе!

Черный человек положил оружие на плечо и приблизился к Улиссу.

– Видишь ли, парень, – сказал он, и глаза его блеснули. – В сущности, это ведь здорово, что ты пришел. Это может все изменить. Но я еще боюсь поверить… Если бы нам удалось… Ладно, потом. Как тебя зовут? Улисс? Это что, в честь того, знаменитого?

– Не знаю, – ответил Улисс. – Наверное, нет. Я никогда не слышал ничего такого…

– Ну, Улисс так Улисс. Это даже символично. Если ты Улисс, так я, пожалуй, Полифем. Так меня и называй, понял?

Он отпер ключом массивную дверь и повел Улисса сначала по коридорам куда-то в глубь здания, потом вниз по винтовой лестнице, снова по коридорам, открывая и закрывая за собой тяжелые железные двери с многочисленными рукоятками и задвижками, совсем такими же, как в Большой Яме. Улисс с удивлением смотрел на рубиновые огни, освещавшие лестницы и коридоры. Несколько раз они проходили через гулкие полутемные залы, наполненные различными механизмами, или пустые, с холодно мерцающими экранами вдоль стен, и наконец, спустившись уже глубоко под землю, вошли в небольшую комнату, вся обстановка которой состояла из стола с торчащей посередине кнопкой и полукруглого циферблата на стене перед ним. На полу валялись вороха линялого тряпья, служащие, как видно, постелью, посуда, разобранное оружие и несколько книг.

В углу под потолком висела старая потемневшая картина. На ней едва угадывалось чье-то лицо с большими печальными глазами и острой бородкой. Под картиной на тонкой цепочке был подвешен светильник.

Полифем прежде всего подошел к столу и нажал кнопку. Стрелка, находившаяся в правой части циферблата, резко рванулась влево и замерла в крайнем положении.

– Вот здесь я и живу, – сказал он, поворачиваясь к Улиссу, – живу с того самого дня, когда наступил конец света. Садись-ка вот сюда и послушай, это не лишено интереса – рассказ о конце света. Может быть, ты в нем ничего не поймешь, но это неважно – я должен наконец выговориться, слишком долго мне пришлось ждать такой возможности… Да и мясо успеет как следует свариться, у четверорогих козлов оно, знаешь ли, жестковато. Итак, слушай.

Место, где мы с тобой находимся, называлось когда-то Управляющим Центром. Отсюда можно подавать команды огромному монитору-истребителю. Сам он находится в шахте на другом конце долины, но стоит приказать, и он взлетит, поднимется в космос и будет кружить над землей, нанося удары по заранее указанным ему местам, а также по всем подозрительным объектам на территории «противника». Это страшная штука, самая страшная из всех, что были придуманы для уничтожения людей.

Но нас, его создателей, тогда это мало тревожило. Мы построили монитор, и гордились им, и продолжали совершенствовать, делая его все неуязвимее и смертоноснее. Во всем мире тогда изобреталось новое оружие, лаборатории работали уже прямо на стартовых площадках, и эта гонка казалась нам захватывающей, потому что мы всегда оказывались впереди.

В тот день я работал в самой глубине шахты – нужно было проверить работу нового, только что установленного оборудования. Неожиданно раздались сигналы тревоги. Пол под ногами задрожал – это двигались стальные плиты, изолирующие отсеки друг от друга. Я поспешил к лифту, но он уже не действовал, пришлось карабкаться по лестнице через монтажный лаз. Гул моторов скоро прекратился, и наступила непривычная тишина.

Мне стало страшно, на учебную тревогу это не походило – она никогда не объявляется так внезапно, по крайней мере, я бы знал о ней заранее. Скорее всего, думал я, какая-нибудь авария или пожар, ничего другого мне даже в голову не приходило.

В отсеке верхнего этажа никого не оказалось – даже часового не было на месте. Тут уж я испугался по-настоящему. Сомнений не оставалось – случилось что-то очень серьезное. Не разбирая дороги, я бросился в тамбур и с ужасом обнаружил, что входная дверь заперта. Я

понял – обо мне просто забыли в начавшейся суматохе. Но из-за чего она возникла? Неужели все-таки настоящая тревога? Что же теперь будет со мной?

Оставалось одно – колотить в дверь что есть силы, там, снаружи, кто-нибудь еще, может быть, есть.

Я стал искать подходящий твердый предмет, как вдруг далеко-далеко, где-то в глубине шахты, послышался нарастающий вой. У меня подкосились ноги – я узнал шум установок, защищающих монитор от всего того, что несет ядерный взрыв. Этот новый вид защиты был изобретен здесь же, но я не стану объяснять тебе, что там к чему, все эти излучения и поля только собьют тебя с толку. Так вот. Никто никогда не испытывал эту защиту на людях, да и вряд ли такое могло прийти кому-нибудь в голову – она считалась безусловно смертельной для человека. Зато технике обеспечивалась почти полная безопасность!

Я понял, что мне конец. Дышать стало тяжело, голову словно сдавил стальной обруч, перед глазами все поплыло. Волна нестерпимого жара захлестнула меня, и я, корчась и вопя от боли, упал на пол. Жар становился все сильнее, кажется, я почувствовал, как вспыхнули волосы на голове, но в этот момент страшный удар потряс шахту и отбросил меня далеко от двери. Я потерял сознание.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я пришел в себя. Думаю, не очень много. Я очнулся от легкого покалывания во всем теле и обнаружил, что в тамбуре происходит что-то странное. Яркие светящиеся шары медленно плавали в воздухе. Иногда они сталкивались друг с другом, и раздавался громкий сухой треск. Тогда покалывание становилось чуть сильнее.

Я оглядел себя и едва снова не потерял сознание. Вся бывшая на мне одежда превратилась в пепел, стены тамбура стали гладкими и блестящими, как стекло, и при всем этом я оставался жив! Пепел въелся в мою кожу, навеки сделав ее багрово-черной, но никакой боли я не испытывал. Все тело казалось наэлектризованным, опутанным тонкими невидимыми нитями, которые рвались при каждом движении.

Я был напуган до такой степени, что не мог ни о чем думать, мне хотелось лишь как можно скорее бежать отсюда, выбраться наружу, к людям. Я вдруг вспомнил, что через монтажный лаз можно попасть в бункер рядом с шахтой, куда загоняют на время разгрузки тягачи и где стоят вездеходы охраны. Осторожно, чтобы не коснуться светящихся шаров, я пополз к лестнице и спустился на два этажа. Затем по узкому коридору монтажного лаза добрался до люка и дрожащими руками взялся за рукоятку. Она поддалась неожиданно легко, люк распахнулся, и я оказался в бункере.

Здесь никого не было. В грузовом зале стоял неуклюжий гусеничный вездеход, я влез в него и запустил двигатель, потом пошел к воротам. Однако сколько я ни дергал рубильник и ни жал на кнопки, ворота не открывались. Пришлось взяться за ручной ворот.

Тяжелая плита дрогнула и медленно поползла, открывая узкую щель. И сейчас же раскаленный пыльный вихрь ворвался в бункер снаружи, посыпалась земля, и я увидел вздыбившиеся обожженные плиты, которыми раньше был выложен спуск к воротам.

Даже не вспомнив об опасности, грозящей мне под открытым небом, я вскочил в вездеход и вывел его из бункера, желая как можно скорее добраться до людей.

Но то, что я увидел, заставило меня забыть о собственных мытарствах. Зловещая черная туча вставала на востоке. Ее пронизывали языки оранжевого пламени. Почти вся растительность в долине превратилась в пепел и была унесена ураганом вместе с почвой. Я увидел догорающие развалины лаборатории, вдали чернела опаленная стена Управляющего Центра. Мне сразу стало ясно, что произошло, если не в шахте, то по крайней мере здесь, снаружи. Это был, без сомнения, ядерный взрыв, уж я-то в таких вещах разбирался. Удар пришелся восточнее ущелья, но целились, конечно, сюда, других объектов, достойных ядерного оружия, в округе не было.

Вездеход мчался по голой равнине, усыпанной обломками скал, – там, где всего несколько минут назад был лес. Я обернулся и увидел обнажившуюся круглую крышку шахты. Ее лепестки были закрыты, значит, ответный удар не готовился. А может быть…

Я подумал о людях, сидящих в Управляющем Центре. С ними-то что?

Камни были еще раскалены, воздух дрожал над ними, как над печкой, но я не чувствовал ни температуры, ни действия наверняка высокой радиации. Что-то произошло со мной в шахте, тело мое стало совсем другим, будто я состоял теперь не из мяса и костей, а из какого-то упругого огнеупорного материала, не поддающегося к тому же и жесткому излучению. Но тогда я не думал об этом, нужно было следить за дорогой, лавировать среди скал и стараться не потерять нужного направления. «Скорей, скорей!» – подгонял я себя мысленно, но увеличить скорость не мог. К счастью, невдалеке уже показалась узкая щель на склоне горы, по ней проходила дорога к Управляющему Центру.

Вдруг яркая вспышка ослепила меня, и сейчас же мотор вездехода заглох. Наступила долгая, неестественная тишина. Приоткрыв глаза, я увидел нестерпимый блеск камней и протянувшиеся от них глубокие, черные, как на Луне, тени. Это был второй взрыв.

Большой обломок скалы, скатившийся, как видно, по склону после первого взрыва, закрывал меня вместе с вездеходом от вспышки, я видел только отраженный свет, но и он был режуще ярким. Шипение и треск послышались с разных сторон, пар белыми столбами поднимался от земли.

Через несколько минут плотные клубящиеся тучи заслонили всю южную половину неба, и стало совсем темно. Тогда я выбрался из вездехода и бегом бросился вверх по склону. Дорога, проходящая по узкой расщелине, почти не пострадала, и я довольно быстро достиг бетонной коробки – верхнего этажа Центра.

Я проник через аварийный люк внутрь. На всех этажах, начиная от надземного и до самого нижнего, где размещался командный пункт, лежали люди, застигнутые мгновенной смертью. Не помогли ни бетонные перекрытия, ни свинцовые перегородки, ни герметически закрывающиеся двери. Первым делом я спустился в командный пункт и убедился, что монитор остался на месте и совершенно невредим. Приборы говорили о его готовности стартовать в любую минуту.

Тогда я включил аппараты связи и попытался поймать хоть какие-нибудь сигналы из внешнего мира. Радио не работало совсем, да и не могло работать в таком аду, а по специальным каналам кое-как шел только прием. Столица молчала, но мне удалось услышать несколько чужих станций. Они кричали о всеобщем сумасшествии, молили о помощи, угрожали друг другу немедленной местью.

Тогда только до меня дошли масштабы катастрофы. Планета гибла, и ничто уже не могло ее спасти. Даже те участки земли, которые не подвергались бомбардировке непосредственно, будут неминуемо заражены спустя какое-то время через воду и воздух.

Единственная возможность уберечь хоть что-то – немедленно прекратить любые дальнейшие взрывы. Чем меньше их произойдет, тем больше шансов останется у тех, кто еще жив. Поймут ли это люди? Я не знал. И ничего не мог им сказать. Да и кто бы стал меня слушать? Я молился и выл от отчаяния, от бессилия что-либо исправить, сделать так, чтобы все это оказалось только сном. Мир погибал на моих глазах, станции замолкали одна за другой.

И вдруг я вспомнил – меня будто кипятком обдало – я вспомнил об этой вот кнопке, об этом проклятом механизме, который я сам за два года до того предложил включить в стартовую систему. Тогда война представлялась всем нам забавной игрой, в которой нужно заранее рассчитать ходы противника, но о том, что когда-нибудь придется делать ходы по-настоящему, никто всерьез не думал.

То, что один человек нажатием кнопки может уничтожить целую страну, никого в то время уже не удивляло. Но как быть, если его опередят? Если он сам будет убит, похищен, выведен из строя?

И я придумал вот это. Взгляни. Если нажать эту кнопку, монитор НЕ взлетает. Но если никто не нажмет ее в течение часа, произойдет автоматический старт.

Космический корабль, нашпигованный новейшим оружием, поднимется над землей и начнет войну. К чему это приведет? Не знаю. Если конец цивилизации уже наступил, то тогда, наверное, наступит конец жизни вообще…

Да, так вот. За два года до войны эта комната была оборудована, здесь установили дежурство, и скоро я почти перестал о ней вспоминать. А в тот день вдруг вспомнил. Вспомнил в последнюю минуту. Это было и счастьем, и проклятием для меня. Когда я вбежал в комнату, стрелка уже коснулась вот этой красной черты. Вся дежурная смена была, конечно, мертва. Оставались, может быть, какие-то секунды до срабатывания системы автоматического старта. От ужаса я закричал, бросился, перепрыгивая через тела, к столу и нажал на кнопку. Я давил на нее всей своей тяжестью и никак не мог отпустить, хотя видел, как стрелка прыгнула влево и снова начала свой часовой путь к красной черте. Я успел! Успел! Поначалу лишь одна эта мысль гудела в голове, и, забыв о гибели мира, о том, что ждет меня впереди, я плясал от радости под неподвижными взглядами мертвых офицеров. Я не стал убийцей, хотя бы сейчас, в этой общей мясорубке, я оставил шанс тем, кто, может быть, уцелеет в войне.

Я уже не делил людей на «противников» и «союзников», неизвестно было, кто первым начал войну и против кого ее повел, все были теперь равны и одинаково беззащитны перед смертью, разве только одних она возьмет за горло раньше, а других позже…

Но этот шанс, который я подарил миру, дорого стоил мне самому. Отныне я был привязан к комнате с кнопкой навсегда. Я не мог отключить механизм – он находится там, на стартовой площадке, а до нее не меньше двух часов ходу. Я не мог прижать кнопку чем-нибудь тяжелым, так, чтобы она всегда оставалась во включенном положении – это ничего не даст, счетчик времени сбрасывается только при нажатии кнопки в последние десять минут. Кроме того, нажимать ее может только человек – за этим следят специальные датчики, и перенастроить их мне не удалось. Я оказался бессилен перед собственным изобретением.

С тех пор я живу возле него, никогда не отлучаясь и не засыпая больше, чем на час. Я видел бесчисленные отравленные дожди и ужасные метели небывалой зимы, наступившей после войны. Если бы не горячие источники, согревающие ущелье, оно было бы доверху засыпано снегом. Но тепло источников делало свое дело. Несколько десятилетий спустя жизнь мало-помалу стала возвращаться, правда, она неузнаваемо изменилась, но осталась жизнью – чудом, которого, может быть, нет больше нигде во Вселенной. Сначала появились растения – пышные, причудливые, быстро меняющиеся от поколения к поколению. Потом с гор стали спускаться не менее удивительные животные. Они приходили оттуда, где по ночам видны зеленые отсветы.

Там, в горах, что-то происходит, идет какая-то медленная реакция. Как я мечтаю сходить туда! Узнать, почему пришедшие оттуда звери могут не только переносить радиацию, но и сами довольно сильно излучают.

Труднее всего было в первые годы. Я ужасно страдал от голода, от лютых холодов, от приступов каких-то неизвестных болезней. Порой мне хотелось умереть, чтобы прекратилась эта нескончаемая мука, но я понимал, что вместе со мной погибнет все живое на земле, и продолжал час за часом, день за днем, год за годом терпеливо отодвигать смерть и снова ждать ее приближения. Обычному человеку, конечно, не удалось бы выжить в таких условиях, и иногда, в то проклятое время, когда холод свирепствовал особенно сильно и долго

не удавалось раздобыть никакой пищи, я жалел, что не погиб вместе со всеми от первого взрыва. Пусть бы уж планета сама заботилась о своей безопасности.

Однако позже я понял, что не случайно остался жив, не случайно живу до сих пор, не случайно успел нажать кнопку в первый раз. Это Он так распорядился моей судьбой!

Полифем указал на висевшую в углу картину.

– Это Он наделил бессмертием мое тело и обрек душу на бесконечное искупление вины. Это Он, дав убить большинство людей, поставил меня охранять оставшихся. Только Ему под силу так искусно заплетать случайности и так управлять обстоятельствами!

До сих пор Улисс еще кое-как понимал, о чем идет речь, но последние слова Полифема озадачили его. Он не раз слышал в Городе предания о войне, о том, как люди убивали друг друга и разрушали города, прячась где-то далеко, в глубоких подземельях, но им это не помогло, все они погибли от страшных взрывов, или от невидимого яда, или от вредной воды и пищи. Но при чем здесь изображенный на картине человек?

– Кто он такой? – спросил Улисс.

Полифем посмотрел на него с изумлением.

– Неужели тебе ничего не известно о Боге?

– Нет. Я никогда его не видел. А где он живет?

– Везде. Бог вездесущ. Он давно уже ни к кому не приходит как человек, но управляет всем происходящим в мире и всеми людскими делами…

– Странно. – Улисс пожал плечами. – Никогда не слыхал о таком.

– Ну и что же! – воскликнул Полифем. – Его образ всегда сам собой возникает в сознании страдающего человека. Ведь все вокруг проникнуто Его Духом! Когда-то я сам легкомысленно относился к этому, не верил ни во что, кроме нерушимости своего благополучия. Но оно растаяло как дым в один день, и тогда я вспомнил о Боге. Я узнал Того, Кто наказал меня, и стал, как мог, обращаться к Нему, прося пощады и утешения. И Он укрепил меня для столетнего бдения, сохранил мне помутившийся было разум и вот, наконец, послал мне тебя, как знак близкого избавления.

– Меня никто не посылал, – возразил Улисс, все еще не понимая, что означают эти странные намеки Полифема на человека, который и не человек даже, а неизвестно что, который сам задумал войну и сам не дает довести ее до конца.

– Просто я решил отыскать проход в новые земли, – продолжал он, – и пошел. Меня даже не пускали, лыжи сломали… Но это из-за другого… А посылать – никто не посылал. Дед разве? Да и то он больше вздыхал, потому что сам-то боялся идти.

– Гордец! – усмехнулся Полифем. – Ты считаешь, что решил идти сам, а между тем волю твою направляло Высшее Существо. Да и как можно без Бога? Человек слаб и не вынесет всех испытаний судьбы, если не будет надеяться на чью-нибудь помощь. Разве пережил бы я конец света, разве смог бы оставаться здесь, если бы считал ответственным за все одного себя? Не понимаю, как вы можете обходиться без веры. Даже если вы ничего не слышали о Боге, вам следовало бы его выдумать…

Улисс снова пожал плечами:

– Не знаю. Наверное, у нас не было времени. Мы все заняты – воду добываем, охотимся, роем дома. Из леса хищники часто набегают, особенно в голодные годы, – тогда все на стену идем, биться. Когда дороги хорошие – с тележками за дровами ходим или еще дальше – в брошенный город за кирпичом. А если чистый снег падает – снимаем его слоем, грузим, таскаем, топим, пока полные баки воды не наберутся. Так и бегаешь день и ночь – то догоняешь, то спасаешься… Есть нечего, спать некогда, какое уж тут Высшее Существо? В последние годы, правда, стало теплее, но зато зверь весь куда-то ушел. То есть теперь-то я знаю, куда…

– М-м-да, – задумчиво протянул Полифем. – Вот как, значит, теперь люди живут… Дома – роют! Почему же вы раньше не приходили сюда? Здесь прожить гораздо легче – горы задерживают облака, зараженные пылью, подземные воды чисты, горячие источники прогревают землю и воздух. Да и живности много. Надо было давно перебраться всем вашим городом в мою долину. Места хватит на всех.

Улисс покачал головой:

– Раньше сюда было не пройти. У западного конца ущелье перегорожено стеной. Я пробовал искать там другие дороги, но ничего не нашел, – кругом такие скалы, что на них глядеть страшно. Единственный путь – через щель в стене, она появилась недавно, год или два назад, там до сих пор камни осыпаются.

– Ах, вот что! – сказал Полифем. – Любопытно. Действительно, несколько лет назад случилось сильное землетрясение. На минуту у меня даже погас свет, я ужасно испугался, подумал, что испортились атомные генераторы, но все обошлось, просто во время толчка сработали предохранители. Землетрясение казалось мне тогда грозным предупреждением, а оказывается, это было светлое знамение! Срок искупления истек, и двери моей тюрьмы отворились, чтобы впустить избавителя. И после этого ты еще сомневаешься, несчастный, в могуществе Сидящего На Престоле! Стыдись!

Улисс невольно улыбнулся. Он чувствовал радость в голосе Полифема, добродушие в его взгляде и не обращал особого внимания на упреки. Не то от тепла, которое окружало его весь день, не то от сознания надежности этого убежища, почти забытого чувства безопасности, Улисс ощутил вдруг усталость. Приятную усталость человека, справившегося с трудной работой.

Он присел на деревянный ящик у стола и сонными глазами смотрел на Полифема, восторженно сыпавшего непонятными словами:

– Эх, нам бы только с монитором разделаться! Мы бы тут такую жизнь организовали! Город ваш сюда переселили бы, антенны бы починили, связались бы с миром. Людей-то много еще на земле, да как добраться до них через все эти мертвые пространства, где их искать? Ну, да это второй вопрос. Главное – связаться, а там что-нибудь придумаем. Может быть, у кого-нибудь даже самолеты остались… – Не переставая говорить, он нажал кнопку на столе, и стрелка, подошедшая уже к последним делениям шкалы, снова отпрыгнула в ее начало.

– Здесь тоже есть кое-какая техника, – продолжал он, – испорчена только сильно. Если ее наладить да починить старую дорогу, можно будет разъезжать… Ты слышишь? Эй, парень! Что с тобой?

Комната вдруг поплыла перед глазами Улисса, неудержимая тошнота подступила к горлу. Он попытался ухватиться за край стола, но только беспомощно шарил руками в пустоте. Пол закачался, быстро приближаясь, и больно ударил прямо в лицо.

…Улисс очнулся от нестерпимой горечи во рту и открыл глаза. Он лежал на полу, Полифем, стоя на коленях рядом, по капле вливал ему в рот какую-то жидкость из темного пузырька.

– Ты что это, парень? – взволнованно говорил он, приподнимая одной рукой голову Улисса. – Где это тебя угораздило дозу схватить? Осторожней надо с такими вещами!

Ужасно болели глаза, клочья черной пелены медленно кружились по комнате, застилая свет. Кожа на лице и руках горела огнем. Совсем как у Ксаны, подумал вдруг Улисс. Она точно так же чувствовала себя в первые дни после падения в реку. Только ожоги были у нее по всему телу… Снова подкатила тошнота. Улисс скорчился на полу и закашлялся, давясь рвотой. А вот этого у нее не было, отрешенно думал он. У кого-то другого было. Совсем

недавно. У кого же? И куда он потом делся? Ах, да, Псан-добытчик и его сыновья! Все то же самое… Только ведь они не прожили и суток…

И вдруг он понял, свирепень! Ну, конечно, он напугал зверя огнем и грохотом страшной машины, а тот в ответ поразил его своим невидимым ядом. «Когда надоест жить, – поучал Дед, – кинь копье в свирепня». Улисс застонал. Это смерть. Он с трудом поднялся, и снова сел на ящик у стола, и, закрыв лицо руками, чтобы свет не резал так нестерпимо глаза, сказал Полифему:

– Иди к своему монитору. Я все понял, буду нажимать кнопку, когда нужно. Только торопись, мне недолго… осталось.

Полифем не ответил. Улисс поднял голову. В комнате никого не было. Где же он? Неужели этому столетнему дураку не ясно, как дорого сейчас время? Ведь тот, кого ему послал нарисованный на картинке Бог, скоро умрет!

В коридоре раздались шаги, и в комнату вошел Полифем с черной коробкой в руках.

– Сейчас, сейчас, потерпи! – сказал он Улиссу и, поставив коробку на стол, принялся перебирать в ней разные склянки и блестящие металлические детали.

– Скорее иди к монитору, – снова заговорил Улисс, тяжело дыша, – скорее, пока я еще могу нажимать кнопку. У нас осталось мало времени, понимаешь? Мне скоро конец, свирепень отравил меня. Свирепень… Такой зверь…

– Да, да, – отвечал Полифем, не слушая, – сейчас все будет хорошо, сейчас…

Улисс вздрогнул, что-то острое вдруг впилось ему в руку.

– Ничего, ничего, – повторял Полифем, – это просто укол. Будет немного кружиться голова, но ты не пугайся. Ложись-ка вот сюда, на постель.

Улисс поднялся, но вдруг почувствовал, что у него отнимаются руки и ноги. «Поздно, – подумал он, – я умираю». И как подкошенный рухнул на кучу тряпья у стены.

Уже который день он идет вдоль отвесной стены Предельных Гор, смотрит, не отрываясь, на зарево, разгорающееся над ним, и никак не может понять, почему оно не зеленое, как всегда, а красное. Там, за стеной, новые земли, это он знает точно, но попасть туда невозможно, потому что в стене нет ни единой щелочки, в которую можно было бы пролезть или хотя бы зацепиться и подняться наверх. Стена нависает над ним и мерно колышется в такт отдаленному рокоту, идущему из глубины гор.

Нет, это не горы, это свирепень развалился на дороге в новые земли и спит. И пока он не проснется, туда не попасть, а когда проснется, всем землям придет конец – и новым, и старым, и не будет никаких…

Но что это? На вершине стены появляется яркая оранжевая искра и быстро растет! Это люди забрались на тушу спящего свирепня и подают сигнал! Они развели там костер и все подкладывают, подкладывают в него дрова, огонь разрастается, ширится, набухает…

И вдруг раздается страшный грохот – проснулся свирепень. Разгневанный зверь поднимается на ноги, и огонь, сорвавшись с его спины, падает на землю тяжелой каплей смертельного яда…

Улисс проснулся. Он лежал на постели Полифема все в той же комнате. Стена, возвышавшаяся во сне слева, оказалась боковой стенкой деревянного ящика, на котором стоял большой стеклянный сосуд с водой, а рядом – светильник, прикрытый красным колпаком. Через край сосуда свешивался кончик тряпки, и на нем, медленно набухая, разгоралась оранжевым светом капля воды. Вот сейчас она сорвется и упадет. Улисс зажмурился.

Что-то не так, подумал он. Ничего этого не должно быть – ни комнаты, ни красного света, ни водяных капель, – все это стало невозможным после того, что случилось. А что, в самом деле, случилось? Надо бы вспомнить… Скверное что-то. Такое, что хуже некуда. Удивительно! Осталось воспоминание о безнадежном каком-то отчаянии, а вот отчего оно, Улисс забыл. Ксана? Нет, не то. Вернее, Ксана тоже, но она далеко, о ней ничего

не известно… Свирепень! Да, он перегородил своей тушей проход в новые земли… Нет, это был сон. И все-таки свирепень. Его невидимый яд. Кого-то он этим ядом убил. Кого?

Стоп! Улисс приподнялся на постели, удивленно оглядываясь. Он все вспомнил, но от этого стал понимать еще меньше. Он жив? Как же так? Почему исчезла боль в глазах? Куда девалась тошнота? Прислушиваясь к своим ощущениям, Улисс осторожно встал.

Он чувствовал только слабость в ногах и сильный голод – больше ничего. Болезнь исчезла.

Полифем дремал над книгой у стола. Улисс подошел к нему и коснулся плеча – не для того, чтобы разбудить, просто ему хотелось еще раз убедиться, что он видит этого человека наяву. Полифем вздрогнул и открыл глаза. Он бросил быстрый взгляд на циферблат – стрелка еще не достигла середины шкалы, – а затем уже повернулся к Улиссу.

– Поднялся? – произнес он, улыбаясь. – Ты себе не представляешь, парень, как это здорово – знать, что есть живой человек, который может хлопнуть тебя по плечу! Давненько не испытывал ничего более приятного!

Однажды, правда, я почувствовал на своем плече руку, но тогда за спиной у меня стоял мертвец и ждал только, чтобы я оглянулся. Не помню, чем это кончилось, кажется, у меня тогда был бред… Ну-с? Ты, я вижу, совсем поправился, сынок? Наклонись-ка поближе, я хочу посмотреть на твои глаза. Не робей, все уже позади. Можешь мне поверить, за сто лет я неплохо понаторел в медицине, по крайней мере теоретически. – Полифем сладко зевнул и захлопнул книгу. – Интереснейшая, черт возьми, наука!

– Я ничего не понимаю, – просипел Улисс. В горле у него было сухо. – Что со мной случилось? Я думал, это свирепень…

– Свирепень, – задумчиво повторил Полифем, – может, и свирепень… А ну-ка скинь куртку.

Он поднялся и обошел вокруг Улисса, внимательно его разглядывая.

– Не знаю уж, что там за свирепень, но получил ты вполне достаточно, чтобы твердо обосноваться на кладбище.

Полифем вернулся к столу и взял черную коробку.

– Если бы не регенератор, – сказал он, снимая крышку и показывая Улиссу уложенные рядами ампулы, – дело могло бы обернуться для тебя очень скверно. Но это волшебное средство творит прямо-таки чудеса. И вдобавок замечательно сохраняется. Оно появилось у нас всего за несколько месяцев до войны, слишком поздно, конечно. Нигде в мире его еще не было, а ведь оно могло бы многих спасти.

Улисс с удивлением смотрел на ампулы. Почти такие же он выбросил в шахту Большой Ямы, они лишь немного отличались формой и цветом. И в этих склянках помещается сила, способная излечить человека, смертельно отравленного невидимым ядом! Они могли бы поставить на ноги всех тех, кто умирал, попав под розовый дождь, или был застигнут наводнением в лесу и умер через несколько месяцев, или отбивался копьем от свирепня… Они могли бы вылечить Ксану! Если только…

Да, есть одно условие. Ведь Полифем не вылечил никого из тех, кто был здесь в день войны. Лекарство помогает только живым, оно не может воскресить мертвого. Если Ксана еще жива, ее можно спасти, а если…

Нужно бежать немедленно к ней! Нельзя терять ни минуты!

Да, но как же он уйдет? Ведь Полифем снова останется один на один со смертью, грозящей людям. Дождется ли он возвращения Улисса? Сколько времени ему придется ждать? Нет, в Город идти рано.

– Когда мы сможем покончить с этим монитором? – спросил Улисс.

– Скоро, малыш, – ответил Полифем, – теперь уже скоро. Но сначала ты должен восстановить силы, больше всего тебе сейчас нужен хороший бифштекс. Пойдем-ка, я угощу

тебя кое-чем, дичи здесь, слава Богу, хватает, да и боеприпасами я обеспечен еще на сотню лет…

Среди разбросанных по комнате вещей стоял натянутый на проволочный каркас мешок с двумя широкими лямками. Полифем называл его рюкзаком и постепенно набивал всякой всячиной – инструментами, различными деталями, мотками проволоки, патронами и свертками с едой.

– Одному Богу известно, что там теперь делается, – говорил он, укладывая в рюкзак фляжку с водой, – наверное, будет не так-то просто попасть внутрь, да и в самой шахте ползать не легче. Тамошние коридоры никогда, в общем-то, не предназначались для прогулок, а сейчас и вовсе могут оказаться непригодными. Так что все это, – он приподнял рюкзак и хорошенько его встряхнул, – может очень пригодиться. Уж теперь-то я доберусь до этого проклятого механизма! Если понадобится – зубами прогрызу к нему дорогу. Мы посчитаемся еще за сотню лет, которую я здесь проторчал. Сколько сделать можно было! Сколько людей спасти, научить, уберечь, эх!.. Ну, кажется, все. – Полифем завязал рюкзак и с помощью Улисса водрузил его на спину. – Подай-ка мне автомат. Да не бойся, это еще не самое страшное, что тут есть! Вот так. – Он повесил автомат на шею и, подойдя к Улиссу, положил ему руку на плечо. – Пожалуй, пора. Счастливо, малыш. Главное – не забудь про кнопку. Что бы ни случилось, главное – это кнопка. Я постараюсь управиться побыстрей, но, может быть, мне понадобится несколько дней. Придется потерпеть, сынок. Только никуда не уходи из комнаты. Еды у тебя навалом, можешь дремать вполглаза – мой будильник разбудит мертвого… Все понял?

Улисс кивнул. Ему было не особенно приятно оставаться одному в этом каменном мешке под землей, но, в общем, он считал свои обязанности простыми. И потом, это ведь ненадолго. День-два, и Полифем вернется.

С монитором будет покончено, и они вместе пойдут в Город. И никакой свирепень им будет не страшен…

Полифем еще раз окинул взглядом комнату и с затаенной тревогой посмотрел на циферблат, по которому, медленно приближаясь к красной черте, ползла стрелка.

– Ну, все, пошел. Прощаться не будем. Увидимся… – Он решительно повернулся и вышел из комнаты.

Улисс остался один. Пока в коридоре были слышны шаги Полифема, он все стоял посреди комнаты и глядел на дверь, потом подошел к столу и сел в мягкое кресло. Теперь главное – терпение, подумал он. Надо ждать. Ждать, как в карауле на стене. Как в засаде на охоте. Только там с ним были Дед, Шибень, Ксана, а сейчас придется ему ждать одному…

Нет, не так. Ксана тоже ждет. И весь Город, и все люди, где бы они ни жили. Все, кто еще жив, ждут возвращения Полифема. Только мертвым все равно, их уже не спасти, а живым можно помочь…

Улисс вспомнил далекий голос, звучавший в ящике, который ему показывал Полифем. Сквозь хрипы и свист доносились незнакомые, неизвестно что означающие слова, но главное – это была человеческая речь.

Где-то там, за Мертвыми Полями или еще дальше, живут люди. Нужно что-то починить, и тогда они смогут нас услышать, говорил Полифем. Можно добраться до людей или позвать их сюда и тогда вместе хоть что-то исправить, восстановить хоть часть уничтоженного сто лет назад мира…

Стрелка медленно ползла по циферблату. Когда она приблизилась к красной черте, Улисс нажал кнопку и вернул ее в начало шкалы. Все очень просто, когда нужно проделать это один раз. Труднее будет каждый час нажимать кнопку несколько дней подряд… А ведь Полифем делал это столько лет!

Откуда-то вдруг послышался отдаленный стук.

Улисс насторожился. Где-то хлопнула дверь, и металлический пол загудел от частого, отчаянного топота.

Звук все нарастал, и наконец в комнату, хрипло дыша, ворвался Полифем. Он был без рюкзака и без автомата, на плече болтался выдранный из куртки клок. Первым делом Полифем подскочил к столу и, выкатив глаза, уставился на циферблат. Он долго, не отрываясь, смотрел на него, а потом вдруг закрыл лицо руками и разрыдался.

– Что случилось? – спросил Улисс, усадив Полифема в кресло. – Где твое оружие? Где мешок? На тебя кто-нибудь напал?

Но тот лишь всхлипывал, отрицательно мотая головой. Улисс дал ему воды. Полифем хлебнул и закашлялся.

– Погоди, – выдавил он, – дай мне отдышаться, сейчас все расскажу.

Он долго сидел, обхватив голову руками и чуть покачиваясь из стороны в сторону.

– Оказывается, это не так просто, как я думал, – заговорил он наконец. – Все дело во мне. Миллионы раз я в деталях представлял свой поход к шахте и совершенно упустил из виду одну мелочь. Нажимать кнопку для меня – это не просто привычка. Это стало уже инстинктом, жизненной потребностью. Я слишком долго этим занимался и привык считать это самым главным. И вот теперь не могу уйти от нее. Я чуть с ума не сошел, когда подошло время нажимать кнопку. Я заставлял себя идти дальше, обзывал трусом, бился головой о камни, но все бесполезно. В конце концов я бросил и рюкзак, и автомат и прибежал сюда… Будь ты проклято, дьявольское изобретение! Из-за тебя я ни на что уже не гожусь! Я способен только следить изо дня в день за этой трижды осточертевшей стрелкой!

Полифем ударил кулаком по столу и отвернулся. Некоторое время он молчал, уставившись в стену и тяжело дыша, а затем повернулся к Улиссу с грустной улыбкой.

– Ничего, малыш, это пройдет… Я попробую еще раз, только мне нужно немного прийти в себя…

Выбравшись из чащи, Улисс поднялся на пригорок и сейчас же увидел крышу шахты – круглое, поделенное на сектора поле, отливающее металлическим блеском. Полифем говорил, что когда-то оно было покрыто тонким слоем почвы и замаскировано растительностью, но во время взрыва все это было снесено, и только крышка осталась невредимой, готовой в любую минуту раскрыть стальные лепестки и выпустить в небо снаряд, который начнет новую войну – войну со всеми, кто еще жив.

В лесу послышался шорох, и Улисс резко обернулся, вскинув автомат. С этим оружием он никого не боялся, но пока его путь проходил через лес, ему никак не удавалось отделаться от впечатления, что кто-то следует за ним по пятам. Вот и сейчас…

Нет, в чаще было снова тихо. Если за ним и наблюдают, неожиданного нападения можно не опасаться – широкое открытое пространство отделяет его от леса. Улисс стал спускаться к шахте, внимательно разглядывая голую глинистую равнину вокруг нее. Теперь главное – найти вход в шахту, который называется монтажным лазом. Где-то здесь, как говорил Полифем, есть врытый в землю бетонный блиндаж. Теперь, когда верхнего слоя земли не стало, он должен быть хорошо виден. Внутрь блиндажа ведет мощенный плитами спуск, а в глубине его находится стальной люк. Это и есть монтажный лаз.

Он хорошо запомнил наставления Полифема. Он умел обращаться с автоматом и инструментами, знал на память все каналы и ответвления монтажного лаза и освоил больше десятка способов отключения механизма автоматического старта. На обучение пришлось потратить немало драгоценного времени, но другого выхода не было – Полифем так и не смог заставить себя надолго оторваться от комнаты с кнопкой.

Улисс решил обойти шахту слева – блиндаж должен находиться где-то там. Однако разглядеть его пока не удавалось: мешали разбросанные повсюду обломки скал и непонят-

ные, насыпанные из глины и песка валы, тонкими лучами расходящиеся от шахты в разные стороны. Улисс подошел к одному из них поближе. Глина была рыхлой, значит, насыпь сделана не очень давно. Кому же она могла понадобиться?

Чтобы идти дальше, нужно было перебраться через насыпь, и Улисс осторожно ступил на сыпучий склон. Ноги вязли в мягкой податливой почве, но, в общем, подъем не составлял особого труда. К тому же и вал не был высоким – вряд ли выше человеческого роста. Улисс быстро вскарабкался на гребень насыпи и уже хотел было съехать по ее противоположному склону, как вдруг почувствовал, что теряет опору под ногами, почва вокруг покрылась трещинами, стала быстро проседать и наконец рухнула, увлекая Улисса в черный провал. Не успев даже испугаться, он упал на мягкую рыхлую кучу, и льющийся сверху песчаный поток чуть не засыпал его с головой. Когда он прекратился, Улисс кое-как освободился от рюкзака и, отплевываясь, выбрался из кучи. Он увидел низкий овальный ход, ведущий в сторону шахты.

Отверстие с противоположной стороны было почти засыпано песком, осталась только узкая щель. Улисс наконец понял – вал, на который он взбирался, был сводом прорытого в глине коридора. Но куда он ведет? Может быть, по нему можно быстрей и проще попасть в шахту? Или лучше не рисковать? Он подошел к стене и попытался вскарабкаться наверх. Поначалу ему удалось сделать ножом несколько ступеней в глине, но выше начинался слой песка. Едва тронув его, Улисс был сброшен на дно новым обвалом. Похоже, это надолго, подумал он. Делать нечего, придется идти через тоннель. Остается, правда, неясным, кто его прорыл и стоит ли соваться в эту темную нору, не зная, что ожидает в глубине… Но Улисс уже решился. Он извлек из песчаной кучи свой рюкзак, достал из него свечу и спички – все это Полифем изготовил сам и очень гордился своими новыми, мирными изобретениями. С зажженной свечой он двинулся по подземному коридору в сторону шахты.

Идти по твердому глинистому дну тоннеля было даже легче, чем на поверхности. Улисса немного беспокоила возможная встреча с каким-нибудь живущим здесь зверем, но с помощью оружия он надеялся одолеть кого угодно. Вдобавок тоннель казался вполне безопасным, похоже, им никто не пользовался уже давно, следов на полу не было, наверное, их смывал поток, бегущий здесь во время дождей. Стояла глубокая тишина, только раз Улиссу послышался сзади слабый шум, но это, вероятно, снова обвалился песок.

Прошло немало времени, прежде чем однообразно тянущийся коридор закончился у входа в какую-то более обширную подземную полость. Ступив туда, Улисс почувствовал, что мягкая глинистая почва под ногами сменилась ровным и гладким каменным полом. Он поднял свечу повыше и радостно вскрикнул – его окружали бетонные стены! Это был, без сомнения, блиндаж. Но ведь вход в него должен выглядеть совсем не так! Улисс обернулся к тоннелю. Ровное круглое отверстие было проделано прямо в бетоне, лишь короткие огрызки прутьев арматуры выдавались наружу. Да, подумал он. Не хотелось бы иметь дело с зубами, прогрызшими эту дыру.

Он двинулся дальше, но вдруг заметил что-то смутно белеющее у стены, и свернул туда. Пламя свечи выхватило из темноты кучу костей и покрытый клочьями полуистлевшей шкуры трехрогий череп. Это был дочиста обглоданный скелет здоровенного быкаря. Рука непроизвольно потянулась к автомату. Зверь, который одолел такого гиганта, да еще и затащил его в эту нору, был наверняка очень опасным противником. Улисс долго вслушивался в тишину, озираясь по сторонам, но никаких признаков чьего-либо присутствия поблизости не уловил и постепенно успокоился. Он пошел дальше, стараясь понять, в какой части блиндажа находится и как отсюда попасть к монтажному лазу. Скоро это стало ясно. Хорошо зная план блиндажа, Улисс уверенно направился по коридорам прямо к люку. Здесь его ждала новая неожиданность – массивная железная дверь монтажного лаза была, что называется, с мясом сорвана с петель и валялась неподалеку, покореженная и покрытая толстым слоем

пыли. Улисс даже присвистнул от удивления, теперь ему стало ясно, что соваться в шахту вовсе не так уж безопасно. И все же, кто бы там ни поселился, нужно идти дальше, и пройти придется именно здесь, другого пути нет.

Улисс шагнул в люк. Передвигаться здесь можно было только сильно согнувшись, к тому же пол коридора был завален землей, обломками дерева и каким-то гнутым железом. Шагов через сто, однако, этот завал кончился, и заблестели клепаные металлические плиты. Улисс пошел быстрее, но почувствовал, что пол у него под ногами ходит ходуном, и чем дальше он идет, тем сильнее становится качка, словно железная труба коридора болтается в пустоте, ни к чему не прикрепленная. Похоже, что так оно и было, сломались крепления, удерживающие трубу монтажного лаза, огибающую шахту по кругу, все сильнее чувствовался уклон вниз, о котором Полифем ничего не говорил. Улисс продолжал осторожно двигаться вперед. Больше всего он боялся увидеть впереди конец коридора – изломанный срез, уставившийся в черную бездну шахты, но увидел другое. Коридор упирался в клубок металлических прутьев, ферм и листов, проломивших потолок и перегородивших проход.

Этого только не хватало, с тоской подумал Улисс. Полифем ничего не знал об этом обвале, за сто лет в шахте, видно, многое изменилось… Что же теперь делать? Он осторожно ступил на ажурную ферму, наискось пересекавшую коридор, но жуткий скрежет проседающего металла заставил его повернуть назад. Ясно было, что пройти здесь не удастся.

Так что же, выходит, всему конец? Значит, зря он шел сюда, зря заучивал с Полифемом планы шахты, зря учился обращаться со страшной грохочущей корягой – автоматом? Никому и ничем он не поможет, и нужно возвращаться назад? Сидеть в Городе за стеной и ждать, чем все кончится?

Нет! Так даже думать нельзя. Должен быть выход. Зубами буду стены грызть, а пройду, подумал Улисс, правильно Полифем сказал.

Он вернулся к люку и тщательно осмотрел весь блиндаж, потом снова проделал путь к месту обвала, пытаясь пролезть или хотя бы заглянуть в каждую пробоину в стене. Но все напрасно – безопасного прохода не было.

Разве только… Стоя перед завалом, Улисс осветил беспорядочное нагромождение ржавого железа. Пытаться преодолеть его сверху бесполезно, вся конструкция шатается от малейшего прикосновения. А вот снизу… У самого пола изогнутые балки, перекрещиваясь, образовали узкую щель. С рюкзаком и автоматом в нее не протиснуться – нечего и пробовать, но если оставить все это здесь, можно, пожалуй, пролезть под кучей, ничего не задев. Если, конечно, под ней вообще есть сквозной проход…

Улисс опустился на колени и заглянул в узкое треугольное отверстие. Он увидел иззубренный обломок трубы, упирающийся в пол, и второй – чуть дальше, но один можно будет обогнуть слева, а другой справа, тонкий металлический лист, свисающий до самого пола, можно, пожалуй, приподнять, а дальше… Ну, да там видно будет.

Он снял автомат и прислонил его к лежащему у стены рюкзаку. Из всех инструментов у него остался только маленький топорик. Лежа на спине и держа в одной руке свечу, он осторожно протиснулся в проем под нависающими над полом балками и медленно пополз вперед – туда, где в темноте густо переплетались ветви железных зарослей…

– У-у-ли-исс! – голос был слабый и далекий, но такой зовущий, полный отчаяния, что, услышав его, нельзя было ни минуты оставаться на месте.

– Я здесь! – закричал Улисс. Он попытался вскочить, но острый край плиты уперся ему в грудь и не дал даже шевельнуться.

В чем дело? Улисс некоторое время не мог сообразить, что произошло. Наконец он вспомнил. Ф-фу! Все понятно. Кажется, просто уснул. Он протянул руку и нащупал в темноте толстый проволочный жгут. Да-да, все правильно. Нужно ползти вдоль него. Там, впереди, виднелась какая-то дыра. Но почему сейчас ничего не видно? Ну да, свеча погасла.

Сколько же времени прошло? Он полз под огромной кучей металла, находил проходы, попадал в тупики, возвращался и снова продвигался вперед, а может, и не вперед – сохранять здесь направление было очень трудно – пока наконец не обнаружил этот жгут и не решил по возможности двигаться вдоль него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.